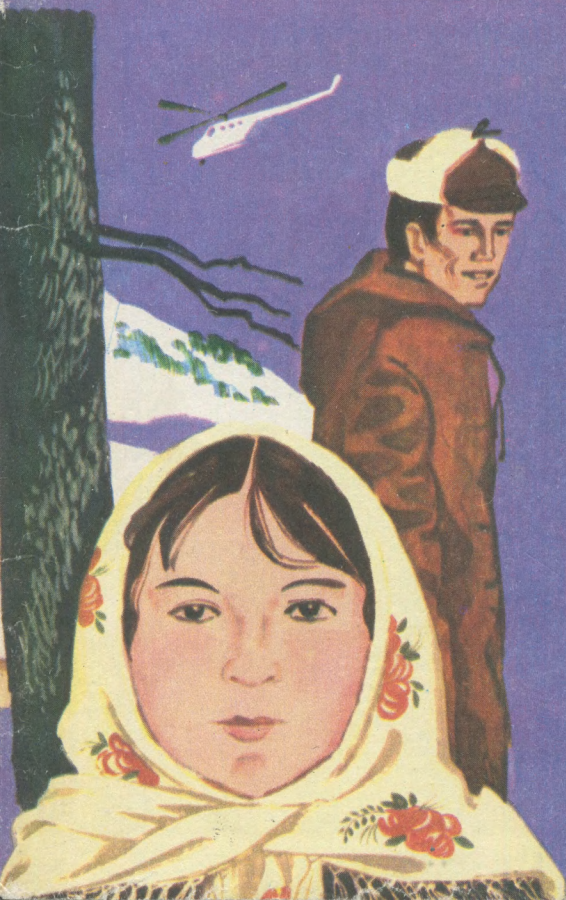

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

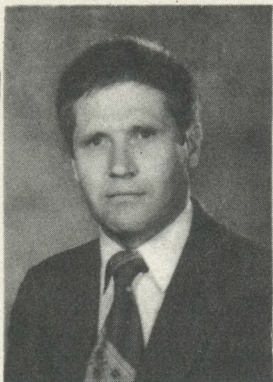

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ** № 25
1982

Геннадий
Пошагаев

Круговерти

Геннадий Пошагаев родился в Краснодаре в начале Великой Отечественной войны. Воспитывался в детском доме. После службы в армии приобрел немало рабочих профессий.

Сейчас живет и трудится на родине. Был участником зонального семинара молодых литераторов Юга и Центра России в городе Пензе и VII Всесоюзного совещания, проходившего в Москве.

У Геннадия Пошагаева не было счастливого детства: отец не пришел с войны, от болезней и горя умерла мать. В детском доме на Кубани хлопец приобщился к простому сельскому труду. В Таганрогском ремесленном училище познавал квалификацию рабочего. Словом, в нелегкой жизни у Пошагаева горя и счастья было поровну.

Потрудился Геннадий Пошагаев вдосталь. Он был грузчиком, сукновалом, прессовщиком. Побывал на Урале, в Крыму, в Азербайджане. И не просто побывал, а трудился. Сейчас живет в Краснодаре и работает машинистом котельной. Ему есть о чем вспомнить и, значит, есть о чем рассказать.

Пишет Г. Пошагаев только о том, что видел и пережил. У него незаемный стиль. Слова не расставлены по школярским правилам, фраза подчас шероховатая, но емкая, образная и поэтому трогает душу. Он по-мужски любит своих героев, и эта суровая любовь избавляет молодого писателя от ложного изображения. В его произведениях встает жизнь истинная, неприкрашенная. Повесть «Круговерти» весьма характерна для творчества писателя, который становится на свою дорогу.

Геннадий Пошагаев — автор сборника «Светофоры зеленые», выпущенного Краснодарским издательством в 1979 году. Участвуя в работе VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, он получил там хороший урок, и это заметно в новой его повести, предлагаемой вниманию читателя.

Виктор ЛОГИНОВ

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ № 25
ГВАРДИЯ 1982

Геннадий
Пошагаев

Круговерти

Повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1982

Художник Валерий ИВАНОВ

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

**© Издательство «Молодая гвардия»
Библиотека журнала «Молодая гвардия», 1982 г.
№ 25(32)**

1

Наталья выгнала из комнаты мух и, зевая, стоя с полотенцем в руке, рассматривала фотографию Михаила. Вихрастый чуб его спадал на покатый лоб. Утолщенный нос и выгоревшие насупленные брови, улыбка, не совместимая с насупленностью, и легкий прищур — будто на солнце глядит — подчеркивали в нем открытость и простодушие деревенского человека, которому некогда унывать и живется как всем добрым людям... До замужества хлопцы так и вились вокруг Натальи: ее бойкий смех и видная фигурка не давали им покоя. Так было до поры, пока она не стала встречаться с шофером с базы, тот всех отвадил. Но не успела наглядеться на молодого мужа, как погиб он в аварии. Свекрсьв сказала: «И жалко тебя, да что поделаешь. Зерно полетело, а половы мне не надо...» Пришлось уехать на Север, там и встретила с деревенским конюхом, уговорил пойти за него. Но малолюдые скоро наскучило Наталье, потянула Михаила за собой на Кубань... Вспомнив это, Наталья

усмехнулась, бросила полотенце через плечо и вышла во двор.

В клетки напротив их времянки разлегся боров. К нему подошел Иван Никитович, хозяин дома, где они квартировали, вытряхнул из таза корм. Потом захромал к беседке, взялся строгать доску. Карандаш выпал у него из-за уха, Иван Никитович нагнулся и никак не мог ухватить стержень мозолистыми пальцами. Платоновна, его сводная сестра, горбясь от беззвучного смеха, подмигнула Наталье и посоветовала брату:

— А ты лопатой подгори!

— Болтаешь, сестрица, — отозвался Иван Никитович.

Платоновна подсела ближе к Наталье и заметила с усмешкой:

— Ты сегодня, Наташка, не в духе что-то.

— Да на вашего кабана злая! Форточку прихлопнешь — дышать нечем, откроешь — худоба ваша чувствуется, спать не дает по ночам.

— К празднику заколем. Потерпи, ласточка...

Во дворе слышались голоса Михаила и сына. Наталья метнулась к калитке, хлопнула руками по бедрам.

— Родненькие явились! Мокруши-полоскуши! Где это вы замызгались?.. А ну-ка... — Выхватила у сына кукан с дохлой плотвичкой, швырнула в таз. — Марш оба умываться и ужинать!

Когда уселись за стол, Наталья вспомнила:

— Лизка приходила.

— Зачем? — спросил Михаил.

— Шифоньер купили. Одного ж твоему братцу Ивану мало. Пусть, мол, Миша придет, затащить поможет. Нашли грузчика! — Наталья дернула плечами и вздохнула. — Что про кооперативный дом-то слышно?

— Только яму под фундамент начали рыть.

— Боже мой! Доживем, что и эта халупа развалится. Сходил бы на кирпичный — шлаковаты там навалом. Нам эту зиму, кряхти не кряхти, придется еще здесь пожить. Я тут думала, гадала: потолок утеплим, шлаковой покроем, а снизу досточками прихватим.

— К Ивану сначала схожу.

— Пропадет он без тебя?

— Не дуйся, Наташка. Так мы всех родственников растеряем...

Разобиженная Наталья метнулась на улицу — как сгнула. Михаил вышел следом на крыльцо и будто впервые увидел звезды над головой. Тотчас же заныли вокруг комары, стали липнуть к потному телу.

Рядом из темноты послышался голос Платоновны:

— Иди к нам, Миша, иди, голубчик. Опять с Наташкой не ладили? Не ищи — до подруги умчалась... Весело ей у соседки!..

— Мы тут гутарим с бабкой, — вступил в разговор Иван Никитович. — Хорошо петуху: много жен и ни одной тещи! А у мужика всего одна-разъединственная, да и то скоко с ней мороки, мать честная!

— Это точно, — ответил Михаил, обиженный уходом Натальи.

«Завтра после смены к брату наведаюсь», — подумал и подсел к старикам.

2

Михаил шел по территории электростанции и чувствовал себя хозяином.

— Внимание! — разнеслось по внутренней связи из репродукторов. — Всех, кто находится на котле, просьба немедленно спуститься вниз. Повторяю, товарищи...

Начальник участка Солодухин, завидев Михаила, провел рукой по седым взъерошенным волосам.

— Давай переодевайся, Кукин. Работы много. Как отдохнул в отпуске?

— На море так и не съездил, Андрей Ефимович. Дожди шли.

— У меня на даче все затопило. Зато огурцы хорошие в этом году...

Свернув за мастерскую, Михаил поднялся в душ. И сразу затерялся среди табачного дыма и споров о футбольном матче.

— Привет, отпускник! — поддевали его плечами у шкафов.

Михаил на ходу расстегивал пояс, снимал через голову безрукавку.

— Здорово, коль не шутишь. Натабачили, себя не жалеете.

Стоя в трусах, он держал брюки на весу. Рядом, улыбаясь, остановился Иван.

— Людей не хватает. Тебя сегодня, это точно, запрягут на обдувку кубов воздухоподогревателя.

— Ничего, — усмехнулся Михаил. Натянув робу, он последовал за братом.

У конторки сидел на тумбочке Юрка Головки, самый молодой в бригаде. Михаил кивнул и оглядел остальных.

Вошел старший мастер Тимофеич. Открыл журнал, прищурился на солнце.

— Кукин! Где он?

— Тут, — засмеялся Михаил. — Не узнали?

— С выходом на работу! Сегодня до обеда надо развернуться с продувкой на котле. Бери двух ребят и сварщика.

— Лады.

— Головки! — Тимофеич поднял на лоб очки. — Тебе работать в бригаде Ивана Кукина.

Юрка скривился и запротестовал:

— К любому посылайте, только не к нему.

— Почему же?

— Да не хочу!

Иван выглянул из толпы слесарей и отпарировал:

— Мне его и даром не надо. Сачок!

— Иди-ка сюда, — поманил Тимофеич Кукина-старшего за угол конторки и напустился на него: — Чего ты на молодежь наскакиваешь? Где я людей возьму? Тогда сам делай, помощи не жди... Ты его треснул позавчера или когда... по шее, я слышал. Другие видели. Что это — метод воспитания?

— С сачками иначе не поступают.

Тимофеич вернулся к слесарям расстроенный, разыскал Михаила и сказал ему, что Головка пусть пока поработает в его бригаде.

— Что, Юрка? — рассмеялся Михаил, заметив нахохлившегося парня в джинсах. — Иван чих-пых дает? И у меня сладко не будет.

Юрка выбил из пачки сигарету, размял чуть и закурил.

— Тебя я не подведу. А братец твой — куркуль. И по-моему, неисправимый.

— Ладно оплевывать. Много знаешь, какой у меня брат...

По дороге к цеху Михаила догнал Иван и сообщил на ходу:

— А я тебя вчера ждал. Еле-еле подняли этот проклятый шифоньер. Сегодня зайдешь? Опять моя «коломбина» забарахлила. Покопаемся, а?..

В гараже пофыркивал мотор. Михаил прислушался. Нет, это не Иванова машина, значит, он дома.

Михаил поднялся на второй этаж, нажал кнопку звонка.

Щелкнул замок, и жилистый Иван, голый по пояс, с мокрой челкой, обрадованно высунулся, распахнул дверь.

— Заходи.

Михаил оставил туфли под вешалкой и босиком прошелся по паласу. На столе, на грязном целлофане в беспорядке лежали детали от машины.

В ванной что-то упало. Оттуда вышла Лизка, выпачканная маслом, непричесанная и рыхлая.

— Что случилось? — Иван резко повернул к ней голову.

— Фу... чуть ноги не отбила проклятыми подшипниками. Ванечка, посадил бы гостя сначала. Ты один здесь, Миша? А где Наташа, Илюша?

— По пути завернул. Скучаете?

— Ой, не говори, Мишенька, — вздохнула Лизка. — Ничего хорошего не видим, пусто в доме. У вас хоть Илюшка, все веселей.

Иван выпрямился, нахмурился:

— Ты подшипники все смазала?

— А ну их к черту! Валяются в ванной, сам с ними возись... Потерпи, я же с человеком разговариваю, чего орешь?

— Я тебе поору, я тебе поору, кобыла жирная! Собери в ящик болты! — Иван схватил со стола увесистую железяку, зная, как подействовать на неповоротливую жену.

— Пошел бы ты, Ванечка!.. — отмахнулась Лизка. Лицо ее сделалось обиженным. — Я говорю, Миша, дети... это же великое утешение. А мой не понимает, опять в больницу гонит!

— Заню-юнила! Тебе только и причитать по покойнику. — Иван сжал челюсти.

— Да бросьте вы! — оборвал их Михаил. — Как дети маленькие, честное слово. Или я уйду.

Лизка с плачем поспешила на кухню.

— Это, братуха, явление законное. Я обожаю эту стерву, но на свой лад... Ну, куды ее занесло, рабу божию?

— Иду-у! — отозвалась из кухни Лизка. — Иду! Борщ прокис, что делать, мужчины?

— Грей давай, не подождем, — бросил Иван.

Михаил отказался ужинать, недоумевал: из-за чего, собственно, Иван злится? Почему он такой грубый? Раньше был спокойнее, когда в нужде перебивались, у родителей еще жили. И поинтересовался, уводя брата от скандальной перебранки:

— На толкучке в прошлую субботу видел «макаку» и новый «Иж». Купить, что ли, а, Иван? На мотоцикле в любую погоду грязь не грязь...

— При чем грязь не грязь? Тут надо подальше глядеть, как Суворов. К цели идти! — Иван пригнулся к Михаилу. — А на дачу или к морю — что, тоже на «макаке» или на «Ижу» поскачешь? Хорошо, если летом, а зимой?

Михаил слушал брата невнимательно, откинувшись на спинку дивана, даже дремалось при этом. Угнетал Иван своими идеями. Однако чувствовалась в нем та необузданная сила, которая сбивала его, соблазняя тоже занять машину.

Зевнув, Михаил глянул на люстру:

— Где это ты достал такую цацу?

— Надо — и тебе достану. Хочу нашему начальнику Солодухину нос утереть. Был я как-то у него дома, ремонтировал отопление. Посмотрел и думаю: врешь, голубчик, Андрей Ефимович, обойду я тебя. На производстве ты герой, а по части быта обскачу я тебя!

Поднявшись, Иван зацепил головой люстру. Всклипнули подвески, свет зашатался.

— На балконе думаю кролей разводить, сеткой обтяну.

— Ты уж лучше за белых медведей возьмишься. Сейчас, знаешь, шубы дорого ценятся.

— Шутка шуткой, а дело делом. Айда в гараж! Братья оделись и вышли.

Михаил всмотрелся в синее небо с мелкой россыпью звезд, прислушался.

— Собаки лают.

— В Пашкове их развели целую псарню, — угрюмо отозвался Иван, думавший о чем-то своем. — Зажралась собачня. Подавай баранью кость, хлеб уже давно не признают. А ты хочешь на месте топтаться. Вперед, только вперед надо!..

Луч фонарика пробил темноту ночи, заскользил вдоль кирпичной стены гаража и нащупал замок.

Иван отомкнул его, повел лучом фонарика по тесному гаражу.

На стеллажах среди инструментов сверкнула фольга. Две запылившиеся камеры висели на гвозде. У верстака Михаил споткнулся о банку и чуть не выхлюпнул на пол масло.

Обошли сверкавшие стекла и гладкие бока новенькой машины. Поставили радиатор, смыли грязь.

Под лампочкой, запутавшейся в паутине, двигались две тени — одна большая и быстрая, другая неторопливая, качавшаяся вслед за первой.

Иван осмотрел силовую передачу, сел в кабину, подергал рычаги. Потом запустил двигатель, тотчас же вылез и поднял капот. Он слушал так выжидающе, как любопытная женщина под дверью соседей: о чем там спорят или, может, бранятся?

Михаил горячился и тоже лез под капот, копошился рядом.

— Сколько на твоих золотых, Иван?

— Около трех.

— Ух ты-ы! Пойду я. А то Наташка кинется искать...

— Спит небось давно. Чего в панику кидаешься?

Иван ветошью вытер замасленные, торчащие врозь пальцы; круги солярки очками блестели вокруг уставших глаз.

С улицы потянуло холодком. Заря на востоке светлела, а с западной стороны было еще темно. Отпели петухи, и весь поселок откликнулся смешанными зву-

ками и голосами, поднимавшимися в бледно-зеленое, цвета капусты, чистое небо.

Подремать бы с часок. Но братьям было не до сна. Они сняли домкрат и опустились в яму. Михаил подсвечивал снизу днище «Москвича», который будто наехал на них.

В минуты отдыха Иван повел разговор о бедных родителях, которым-де не выбраться из далекой их вологодской деревни до самой смертушки. Пусть никто не знает на ТЭЦ, кто они такие на самом деле. Никому это не надо. Михаил не понял и промычал: «Почему? И что тут дурного, если отец и мать крестьяне?..»

Снаружи слышались голоса женщин.

В дверях гаража, жмурясь от света лампочки, остановилась Наталья. Вминая в бока кулаки, она с недоумением глядела, как двое, шатаясь от хмеля и бессонницы, неуклюже выбираются из ямы.

— А я жду, жду, всю ночь не могу сомкнуть глаз. Ма-амочки мои родные! И на кого же ты похож, Мишка? Где ты обтирался? Вот паразит! Да ты ж на брюки глянь свои! Новые, называется!

— Плюнь ты на них, — уговаривала ее Лизка. — От страдания-то какие!..

По дороге домой Наталья вдруг всхлипнула.

— Чего ты? — обнял ее за плечи Михаил.

— Отстань, телок несчастный, — вырвалась та. — Видел, как люди живут?

Глянул Михаил на жену и усмехнулся: вот натура заполошная! Вроде бы и не пустая, первая посочувствует, если у кого горе случится. И танцует лихо, стоит попасть ей в компанию, и поет красиво, задушевно, с задоринкой печальной. Когда поплачет, когда посмеется. А не может он понять: что требуется для успокоения расстроенной певуньи?

Бывало, придет он домой со смены, приляжет на диван отдохнуть и ждет Илюшку из детсада. И тут

у жены, как ни повернется, то стул упадет, то салатница разобьется, то хлеб цвельный, а сходить за свежим ей, видите ли, некогда. И снова бунтует, недовольная жизнью: поучился бы у Ивана, брата своего, как добро наживать, всего полно в квартире и машина имеется... Михаилу смешно, терпит попреки, а то задумается вдруг: неужели нельзя жить спокойно, без лишней суеты?..

3

Получив в инструментальной монтажный пояс, молоток и зубило, спрыгнув со ступенек лестничного пролета, Михаил услышал покашливание. Это мастер Тимофеич как-то внимательно задержал на нем взгляд, лоб у старика вспотел.

— Отсеки продуете, разровняете, хомутами стянете змеевики, — сказал он наконец.

— Не обещаю. Солодухин посылает на вращающиеся механизмы. Не знаю, кого и слушать.

У мастера вырубилась морщинка у виска.

— А ты так не разговаривай! — вскипел он. — Вчера Ивана попросил остаться — сбежал. Сегодня ты отказываешься. Если на то пошло, в перерыв соберем людей, найдем другого человека.

— Ну до обеда еще далеко. Ты, Тимофеич, согласуй насчет меня с Солодухиным, а пока дай человека — леса надо ставить.

Старик согласно кивнул головой и зашагал к центрально-ремонтным мастерским. Но вот он встретился с начальником мастерских, стал что-то доказывать, а тот разводил руками. Вскоре Тимофеич вернулся с пожилым плотником. У того на левое ухо съехала 튈бетейка, вся в каплях столярного клея.

— Вот, бери Казимировича, — сказал мастер.

Плотник усмехнулся, посмотрел на Михаила.

— На подмогу к вам. Только, чур, не заезживать.

Работаю я на совесть, но потихоньку. Топорик принес с собой, а ломиком и прочим у вас разживусь...

Подъехал близко мостовой кран, зазвенел сигнал. Михаил глянул вверх — трос потянулся, чуть колыхаясь от натянутости.

— Уйди, Юрка! — крикнул он в сторону площадки, где стоял, насвистывая и склонясь через перила, Головка. Тот смотрел вниз на девчат-штукатурщиц и не видел крана. — Да уйди же ты, гусь слепой! — снова вырвалось у Михаила, испугавшегося за парня. — Жить надоело?!

Увидев оседающую над ним тень застропаленной трубы, Юрка пригнулся, отскочил, как от боксерского удара. Конец трубы свесился и поволокся вдогонку хлопцу, заскрежетал по сетчатой арматурной площадке.

Михаил подозвал к себе парня и упрекнул его:

— Поменьше на девок любуйся... Не уходи далеко, сейчас полезем в котел продувать змеевики.

Было душно и жарко, будто стояла не осень на улице, а лето.

Казимирович стал крепить угловые стойки железными скобами, потом принес несколько досок. Михаил потянул резиновые шланги наверх. Площадкой выше Иван всовывал патрубок в соединительный воздушный кран. Патрубок почему-то выскакивал. Михаил потянул конец шланга в люк и заглянул в топку. Глубоко внизу, почти у дна, отозвалось эхо. С потолка отвесно светил жиденький луч прожектора. В корпус котла ударили отбойные молотки, и легкое содрогание передалось Михаилу.

— Вот растреклятая вещь! Не идет! — слышался разъяренный голос брата. — Что делать?

Михаил обернулся, задрал голову:

— Не получается?

— Можешь попробовать! — Иван бросил патрубок на площадку.

— Только не психовать. Не лезет патрубок — пойди в кладовую, смени.

— Я буду бегать, а этот лясы точить? — Иван кивнул на Казимировича.

Казимирович и правда сидел на поперечной балке, смолил папироску. Возле него оживленно собирались слесаря. Юрка Головка слушал так, что навис над рассказчиком.

— Был я, ребятки, и на Севере и в Сухуми, — чуть ли не нараспев слышался его высокий женский голосок. — Любила меня одна якутка. Оленей загоняла, но меня догнать, голубушка, не смогла. Хе-х... В Новосибирске поступил в оперный театр, декорации монтировал...

Михаил нахмурился:

— Зачем ты, Казимирович, народ собрал? Время-то идет!

— Я свои полдела отмахал, Михаил Петрович, — хитро прижмурился плотник и повысил голосок: — А вот ты, бригадир, скажи: где ты был? Куда съездил за свою жизнь? Считай, полжизни ты, любушка, просвистел!

Юрка и остальные ребята, перемигиваясь, неохотно отошли. А Михаил, подумав, ответил:

— Да где? На одном месте пока, я ведь не цыган.

— А родился?

— Далеко, отсюда не видно. В деревне лошадей пас на пару с братом, вот с ним, — кивнул в сторону Ивана. — Он, правда, раньше сбежал сюда, на юг, окультурился.

Казимирович покачал головой:

— Бе-едная жизнь у тебя! А на вид ты вроде вольный человек. Ну ладно, еще три десятка на одном месте потопчешься. Съездил бы, воздухом северным подышал... На Урале такие заводы! Ты когда-нибудь слышал про Нижний Тагил? Ге-е, да ты, считай, не знаешь ничего...

С этими словами Казимирович взял доску, положил на стойки и легко вогнал гвоздь с одного удара. А с лица не сходила тень сожаления.

— Я там полжизни оставил, — заговорил он снова. — А работали! Дай бог вам, молодым, так поработать. Где я ни был: и санатории строил, и баркасы конопатил на Каспии, и в Москве метро рыл. А Тагильский завод, как родной, дымит себе... вот здесь, — Казимирович постучал рукой по тощей груди. — И без оглядки уехал бы туда, да стар уже...

Плотник полез на леса, осмотрительно качнул доски — вздрогнули они.

— Гвозди короткие не пойдут здесь, больно толстоваты доски. У вас в инструментальной, сказали, есть длинные.

— Забивай какие есть, — распорядился Михаил.

— Ге-е, нельзя. Мне-то что. А вот своих людей можешь покалечить! — Казимирович глянул на бригадира и усмехнулся. — Эх, заводы уральские, вот где порядок. Я бы уехал на твоём месте. Такой молодой! Жалко мне твоих лет, Михаил Петрович. Ей-ей, жалко.

Михаил поискал глазами Юрку, чтобы послать в инструментальную за гвоздями. Поправляя целлюлоидный козырек пляжной кепки, тот вытирал с лица пот и бил ключом по фланцу, пока не поймал его за руку Михаил.

— Ключ разобьёшь! Сколько раз учить: не пори горячку. Иди в инструментальную, возьми гвоздей для Казимировича и захвати ведро с керосином. Налъешь на гайку — и отвернется. Понял?

— Ещё бы! — подскочил Юрка...

Михаил дождался возвращения Юрки и полез в люк. Он погрузился в темную пыльную шахту, повел впереди себя лучом лампочки. Направил шланг над головой, и залпом выбило струю воздуха, всклубило ржавую пыль. Полетели с потолка осколки огнеупор-

ного кирпича, обрывки изоляции, электроды... Михаил полез к следующему отсеку и, чтобы присмотреться, переломил шланг. Прижал его ногой, надел на лицо респиратор. Воздух плохо поступал через вату, пахло резиной. Михаил просунул воздушную струю вниз, в отверстие трубы, и шум провалился, лишь продолжала осыпаться пыль.

Он ползал с мокрым лицом из угла в угол и в душе завидовал Казимировичу: «Шебутной, наездился по свету. Тут же, кроме котлов, ничего не видишь, хоть бы раз куда-нибудь подальше умотаться... Съездить в деревню к матери и отцу, походить по лесу, по лугам?..» Напор воздуха ослаб, стало тише. Михаил сдернул с лица респиратор и полез к далекому кружочку света, возмущаясь про себя: «Один советует гроши собирать на машину, другой до Нижнего Тагила прогуляться. Не слишком ли много советчиков?..»

4

Наталья, слушая рассказ Михаила о Казимировиче, хохотала:

— Ну и дошлый старик!

Вытерла набежавшую от смеха слезу и поинтересовалась:

— А про заработки не говорил? Как там?

— Заводы и лесоповал хвалил. Мол, два года поработаешь, можно и дом купить.

— Ух ты-ы! — воскликнула Наталья. — Слушай, родненький, сгонял бы ты туда, а? Ну что это два года — не заметишь, как пролетят. Зато потом...

Она прошлась по комнате, уперла руки в бока, вскинула голову.

— Лизке нос утрем. Пусть не хвалится своим добром, не одна она такая! Да и Ваньку осадим. Больно он тобой командует, вроде ты у него в подчинении.

Михаил слушал жену и все больше задумывался. В самом деле, а не поехать ли на уральскую природу? Подышать тем воздухом, потоптаться, чтобы было что рассказать сыну.

— Я и сам думаю: не двинуть ли в тайгу? Прибарахлимся немного, так, что ль?

Наталья обрадовалась и в то же время испугалась:

— С ума посходили мужики! Соседкин тоже укатил недавно аж под Кустанай. Неужели и ты решил-ся? Нет, нет, бог с ними, с теми деньгами. Дождемся и так кооперативной...

И все-таки Михаил собрался испытать жизнь на далеком Урале. Проводить его пришли брат с женой.

Наталья молча вынесла в прихожую чемоданы, сумки, стала укладывать банки с вареньем, в газету заворачивала масленые блины.

— Пусть едет, — отмахивалась. — Я сказала: терпеть и ждать два года не буду. Будто в своем городе нельзя заработать.

Лизка усердно помогала размещать свертки в чемодане и все приговаривала:

— От страдания-то какие!..

В дверь постучали.

— Пойди открой. Это точно Иван Никитович, принесло ветром. Знает, чем пахнет...

Прямо с порога, скинув с плешивой головы облезлую рыжую шапчонку, поприветствовал всех красноносый, веселый и безобидный хозяин.

— Ну, добречко, милые! Ого, да тут штаб заседает! Сказали мне, того, Михаил уезжает. Это верно, Миша?

— Налей ему, — бросила Наталья Ивану и показала на бутылку. — А то без конца расспросы пойдут, пока не поднесешь. На вокзал еще опоздаем.

— Уезжаю, Иван Никитович, — улыбнулся Миха-

ил, а выглядел рассеянным. — Жена не хочет, а я... Или я хуже других? На медведя охота глянуть, погладить его шкуру.

— Эт ты брось, брось шуточки! — хохотнул Иван Никитович. — Фантазия опасная — зверя гладить. Не вздумай, конечно... А так правильно, Миша, молодец! Где наша не бывала... Ну, за душевное здоровье, за отъезд Миши!..

Лизка потянула развеселившуюся Наталью к столу, пригласила всех. Иван Никитович, слезясь от выпитого, растянул гармонь и взвил косо бровью:

За реко-о-ой, в тума-а-ане...

— ...Ох и молодчина, Миша! Да ты ж... Знаю, знаю, я говорю — вот едешь! Дак не забывай нас всех. Грибков, может, когда посылочку, а?

— Чего это ты смеешься, Наташенька? — приставала Лизка.

— Просто замечталась, со злости смеюсь... Ой, Лизка, глянь, глянь, обнимаются! Ка-ак на войну!..

— Папка, привези живую белку! Привезешь? — канючил Илюшка, дергая отца за штанину.

Михаил в порыве сердечности обнял сына. С собой бы забрать, вместе рыбу ловили бы! Да разве отпустит мать?..

— Пусть едет, — посмеялась Наталья, — а я здесь и получше найду кавалера.

Иван нахмурился, похлопал брата по плечу.

— Не бойсь, баба шутит. Я за ней лично присмотрю... Ну, червонцы-голодранцы! — заорал с пренебрежением. — Собираемся и выкатываемся, время истекло!..

Пошли гурьбой. По щекам кололи снежинки, люди ежились и отворачивали ворота. Спешили куда-то. Забелели шляпы, платки пассажиров. Станционные огни на стрелках алой клюквой висели над блес-

кучими рельсами. Острый шпиль вокзала тонул в снежном вихре. Нестойкий ветер свистел где-то у пышных молочных облаков и падал вниз, тревожа заиндевелые деревья. Кажется, весь мир очарован началом зимы!

«Каждый знает, чего он хочет, — думал Михаил. — А моего голоса между ними не слышно, будто я мальчишка еще, слушаю, что другие насоветуют... Ничего, подождет жинка, никуда не денется!..»

Людей тянуло к вагонам, словно им было тесно в обжитом городе. Наверное, каждому есть что вспомнить, глядя на эти вагоны, которые будто ветром уносило в степь. А что Михаилу вспомнить? Прав Казимирович, и внукам рассказать будет нечего...

И вдруг почему-то пропало веселье. Михаил обнял, притянул к себе Наталью. Ей стало жалко и себя, и его, и сына.

— Да брось ты, Ната...

— Это ничего, ничего, Мишенька, — говорила она, наспех поправляя платок. — Я все дни последние не своя, сны ужасные видела. Береги здоровье. Обязательно, как приедешь, напиши письмо...

Любит. И будет ждать, никуда не денется. Михаил растрогался, обнял ее снова.

— Товарищи пассажиры! — объявила по радио дикторша. — Проходящий поезд Севастополь — Свердловск отправляется с третьего пути. Посадка прекращена, будьте осторожны. Повторяю...

— Слушай, Миша, — испуганно обернулась Наталья, — ты ничего не забыл? А ну-ка вспомни! Нет? Тогда смотри, — замахала она кулачком, улыбаясь сквозь слезы. — Узнаю, что был с пермячкой, не жди пощады! Из-под земли выдерну!

— Ух, казачка! Сразу видно — кубанская! — восхитился Иван.

— От страдания-то какие! — охала в тяжелой шу-

бе Лиза. И подшучивала невпопад: — Привезет Мишка чувал денег, куда их девать?

Михаил взобрался на подножку. Ему вдруг вспомнился последний разговор с Тимофеичем. Старик остановил его за проходной и потянул в столовую:

— Хочу пивка с тобой на прощанье выпить.

— Не могу, времени нет.

— Идем тогда в холодок, по снежку пройдемся.

Зашли под деревья. Мастер, покашливая, посмотрел на Михаила и угрюмо усмехнулся.

— Не передумал? Уматываешь, значит? Моя половина тоже мечтает поехать в Париж, Мопассана начиталась... Эх, мало я тебя ругал, Мишка! — И поник седой головой. — Смотри, к примеру. Если взять камень и все время швырять, пинать, не давать ему мхом зарости, он так и останется голым камнем. И человек тоже. Неважно, где ты, важно — кто? Что у тебя за душой? Извини за философию, поезжай. Только удивил ты меня, Кукин. Вроде бы и не было у тебя тяги к большим деньгам... И так сразу сорваться, понимаешь...

Вагоны поползли в сумерках, оставляя позади пустоту и зеленые, красные глазки светочфоров.

5

На станции Полуночная вербованные отогревались в деревянной избе — ждали, когда за ними приедут и отвезут в Лозьвинский леспромхоз.

Михаилу не верилось, что он уже в тайге.

Морозы сковывали двойные рамы окон, и онглянул в оттертый пяточок в мерзлом стекле. На дворе сыпал мягкий снег. За насыпью, похожей на курган, у пристанционного склада виднелись штабеля распиленных бревен и кучи черного угля, еще свежего, недавно выгруженного с платформы. Далее по оврагам стеной тянулись зубья тайги, теснились друг к другу

и подступали вплотную к железнодорожной насыпи синеватые ели, могучие сосны, вершины которых чуть поблескивали, охваченные вечерним сумраком. Казались, деревья-великаны изнывали от своей неподвижности и дремали стоя, зеленея сквозь снег.

Михаил вышел на улицу, нахлобучил на голову шапку. Хотелось взбодрить сонную тайгу криком, чтобы услышать потом эхо... Он кашлянул погромче и точно шарахнул из ружья по дикому безмолвию. Усмехнулся удовлетворенно, затворил поплотнее оплывшую льдом дверь избы и, расставив ноги пошире, стоял, будто ждал чуда. До него донеслись металлические звуки, вплетавшиеся в угрюмые глухие гудки. Должно быть, там, в невидной дали, заводы и рудники — те самые, о которых говорил Казимирович...

В помещение возвращаться не хотелось, хотя мерзли ноги и уши. Не хотелось слышать возню ребятишек и неопрятных на вид людей, которые только и знают бегать в поисках горячей воды, всю жизнь, наверное, вот так мыкаются по белому свету, привычно кочуют с места на место. Трудно и некогда им, видно, обраться мхом на месте — голые камни с натруженными мозолями, не знающие покоя и отдыха. Все ищут, где лучше. Ведь и неглупый, веселый нрав у этого люда, а несет же их в дебри таежные!..

Облака плыли в ту сторону, откуда он приехал, и застревали мутной пылью в хребтах темного ельника. От кургана, взвихряя снежное серебро, ехала к станции машина. Не дотянув до дороги, погасила фары.

Михаил спохватился, пошел поднимать людей и первым выскочил с чемоданами и сумкой. За ним табором повалили остальные.

— Попхни, эй, дядь! — дернул его за хлястик голосистый малец, похожий на Илюху. Наверное, из драчунов.

Подсадив его, Михаил помог залезть в кузов и

худенькой девушке. Уместились, но тут же стали замерзать. Шутка ли, из тепла на холод!..

Ехали мимо рудников, проваливаясь на ухабах и зарываясь в сугробы, петляли круто, а тайге конца не видно. Машину бросало на повороте, трясло доски, на которых они сидели, и Михаил почувствовал, как в бок ему упирается чей-то локоток. Он повернулся. Спряталась в шубу соседка, несмело выглядывает из мехового воротника ее раскосое личико. Сосновые лапы с шишками часто ударяли по брезенту, и в прорванную дыру мелко порошило снегом. Тогда девушка жмурилась, весело косилась и разжимала в улыбке бледные лунные губы. Глаза ее, колючие, тихие, напоминали Натальины: словно в трясину затягивают, безмолвствуют, как эта тайга. Михаил поежился от неожиданного сходства, вспомнил проводы, Илюшу, который просил его привезти живую белку... И надо же — ключ от дома увез с собой, остался у него в кармане! Нехорошо как вышло. Жена с вокзала явилась к себе и давай, конечно, двери выламывать, заодно и его поминать недобрым словом...

— Держись за меня, — прислонился он к соседке. Она покачала головой.

— Вылетишь за борт, вон как качает! Я говорю — держись! — громче повторил Михаил...

В морозном воздухе запахло жильем и дымом. От огоньков рассеялись снеговые облака, и видно было, как луна катится по крышам, догоняя машину.

Михаилу захотелось спрыгнуть и первым взбежать в гору, где виднелся поселок. Он обернулся — девушка блеснула глазами. И тут до них донеслось хлопанье примороженных дверей.

Вышли из машины у конторы и, не дожидаясь распоряжений, побрели в гору.

Их встретил ледяной северный ветрогон. По скло-

ну горы были разбросаны избы, шумела одинокая сосна.

Навстречу им, разметывая коленками снег, сбежала, придерживая на голове вязаный платок, комендантша.

— Приехали, мужики? А земляки есть? Кубанские кто, признавайтесь!

— Я кубанский, — ответил Михаил.

Комендантша подошла и всмотрелась в Михаила.

— Наконец-то земляки нашлись! Люди здесь хорошие. А это жена ваша?

— Попутчица, в машине познакомились. На доске сидели, машину подкидывало — ее ко мне, а меня к ней.

— Ну-ну, — улыбнулась комендантша, придерживая Михаила и спутницу его за локти. — Сюда, сюда, тут и дорожка протоптана к бане и парикмахерской... Эй!

Идущие впереди остановились.

— Видите крайний свет? — подошла к ним комендантша. — Постучитесь туда, скажите — Дуся Пономарева прислала. Не забудете? Комендантша Дуся — они все знают. А завтра я договорюсь с начальством, и они вас расселят. Идите! А вы, землячки, айда к Аникею. Живет один, табуретки делает, пожилой дядька. Я бы к себе взяла, так у меня семейные. А у Аникея места хоть отбавляй.

— Приехали — и ни кола, ни двора, что ли? — спросил Михаил.

— Да не-ет! Квартиры есть на горе, рубленые, прямо возле леса. Двухэтажные... Построили, а рамы еще не вставили.

— Насчет заработка как?

— Да ничего-о, зарабатывают. Идем сюда, пониже спустимся...

У Аникея в щелях ставен темень черная, на двери

висит замок с пушком снега. Будто никто здесь и не жил.

— Так вот же не везет! — вздохнула комендантша, постукивая носками валенок по доскам двери. — Никого... Это точно, в соседнее село подался. Ах ты, как некстати...

Смехи-потехи! Не опомнились от одной напасти — другая тут как тут. Толпа приезжих поднималась к дому Аникея, вытягиваясь в цепочку. Комендантша, быстро сообразив, бегом метнулась к ним, начала спрашивать: что, почему? Оказалось, общежитие закрыто, хотя и мигает там свет: должно быть, не вернулись уехавшие за сотни километров лесорубы.

Беспокойной комендантше ничего не оставалось делать, только вести всех в нетопленную приезжую. («Одну ночку как-нибудь уж перебыются».) Михаил с девушкой тоже прибились к толпе, пошли не спеша, перетапывая свеженаметанный снег.

Среди ночи явился молодой башкир, поприветствовал всех улыбкой. Заячья шапчонка придавила ему круглые выпирающие щеки.

— Кубань приехала? — повернулся к Михаилу.

— Угадал, — закивал тот и перебрался ближе к печке.

Рядом вповалку лежали семьи. Через тела спящих сновали мужчины с кружками, выходили курить.

Башкир стал рубить в комнате поленья и швырять их в печку. Раскосо улыбался, заводил белки.

— О-охо, Кубань, ту-ту-у. Пшеница, виноград...

Михаил улегся на живот — пора спать.

Не нашедшие себе места на полу просили лежащих сдвинуться, стояли с матрацами, не зная, куда их положить. Некоторые доставали тряпье из своих бездонных мешков и сумок, укладывали детей. Малыши задыхались от дыма, пугались стука топора и тянули вверх ручонки.

— Побольше кидай топки! Чего жалеешь? — приподнялся Михаил на локоть: он не мог заснуть.

— Ты — семья, я — семья, — говорил башкир рассудительно и не без лукавства, ломая щепы скрюченными пальцами. — Ты — командир, он — командир, мно-охо командиров...

— Люди устали с дороги. И пацанята вон пищат, замерзли, — твердил свое Михаил.

Печь разгорелась, стало дымно и душно. Раздался храп, сопенье простуженных носов. Михаил услышал, как в невидимом углу кто-то ногтями заскреб тело. Противно ему стало. Голова заныла, отяжелела чугуном. Неожиданно встретился взглядом с девушкой, которая была почти рядом. Приподнявшись на локоть, она всматривалась в него с какой-то болью и грустной нежностью.

Михаил покряхтел и встал, выбрался на скрипучее крыльцо.

В лунном сиянии открылась тайга. Отсюда до самого низа чернели вагоны на тоненьких рельсах, и слышно было, как гулко раскатывали бревна на нижнем складе. «Кукушка» вскрикнула и медленно стронула небольшие вагоны, потащила к лесу. Из трубы ее мягко зашелестел паровозный дым.

— Эх, какой Урал! — вслух подивился Михаил, оглядывая склоны дремучих лесистых гор. Они уходили вдаль темно-голубыми волнами, распространяя тишину. Он не сводил глаз с ярких звезд, которые так низко горели, что хотелось потрогать их руками.

— Такое в сказке бывает...

Это за спиной слышался девичий голос. Михаил и не заметил, как знакомая спутница вышла вслед за ним. Он оторопел от ее ласковых слов, не удержался и взбодрил себя:

— На сани бы сейчас расписные да прокатиться! На тройке, а?!

— Красиво! — прошептала она и vareжкой коснулась его. — Тебя как звать?

— Михаилом. А ты кто будешь?

— Роза... Из Казани. Я одна. А ты, Миха, один?

— Да вроде бы один приехал. Нет, вдвоем с тобой... в машине!..

6

Наталья быстро сложила зонтик, стряхнула брызги и ворвалась с улицы в помещение райсобеса.

За стеклами окошек бойко суетились инспектора — почти все женщины. Одна из них, еще девчонка, со вспухшими веками, неохотно принимала документы от посетителей, и Наталья поняла — не на ту ногу девушка встала. Хотела перейти к следующему окошку, где сидела миловидная женщина в просторной светлой блузе, но кто-то сбоку подсказал:

— Не туда, гражданочка. Передвиньтесь в это окошко.

Наталья порылась в сумке, вынула свернутые бумаги с печатями.

— Девушка! Послушайте, девушка! — обратилась она нетерпеливо к невыспавшейся девчонке.

— Взяли разрешение, отходите, не стойте, — объясняла та пожилой посетительнице, не замечая Натальи. — Бабушка, я же сказала и повторяю вам: надбавку к пенсии не начислим, у вас приусадебный участок свыше установленной нормы. Вы что, глухая?

Раздраженная инспекторша сдвинула бланки, и они попадали на пол. Старушка со вздохом нагнулась и стала подбирать.

Наталья протянула свои документы.

— Что? — неприветливо уставилась инспекторша.

— Оформить пенсию. Хозяину уже скоро под семьдесят... Я вот тут принесла. Помните, была на прошлой неделе? Вот та справочка, что вы затребо-

вали. А в войну он потерял документ, вы говорили, можно и без него обойтись. Посмотрите, родненькая, очень прошу. Я на работу опаздываю.

Девчонка, надув губы, приняла документы, потирая глаза, просмотрела. Вид у нее был не совсем дружелюбный.

— Не помню. Не могла я такое сказать. Посоветуйтесь с начальником... Следующая давайте. Отойдите. Следующая!

Глаза Натальи сверкнули.

— Да почему это — следующая? Я хочу знать: куда теперь, к какому начальнику? Ты мне, девушка, не морочь голову и объясни сначала!

Рядом объявился вежливый старичок с повязкой на руке, видимо, дежурный. Он смотрел, как Наталья дрожащими руками заталкивала бумаги в сумочку.

— Не горячитесь, — подливал он масла в огонь своей вежливостью. — В учреждении не следует... вести себя так.

— Обидели ее! — вспыхнула Наталья. — Я уже полгода хожу, достала справку, какую велела принести. Теперь ей другую нужно... А ну-ка, разрешите!

И снова сунула документы в окошко, оттеснив старушку и огрызнувшись на вежливого дежурного:

— Да отстаньте вы, папаша. Пусть она учится уважать людей, раз села за стол!

— Я сказала, ни-че-го делать не буду, — подчеркнуто спокойно ответила девчонка. — Уйдите от окошка.

Кто-то из присутствовавших предупредил, что идет начальник, пусть, мол, разберется.

Дежурный старичок объяснил подошедшему грустному мужчине в шляпе, что произошло. Заведующий отделом снял шляпу, стряхивая брызги, успокоил посетителей и зашел за перегородку в канцелярию. Там он начал стыдить девчонку, говорил, что окончить

юридический факультет — этого недостаточно, надо уметь культурно вести себя с людьми.

— Где эта гражданочка? — Он выглянул в окошко и поводит носом.

— Кажется, ей плохо, — сказали ему.

— Пусть не уходит. Я сейчас... Это же безобразие. В последний раз, Тамара, предупреждаю!

— А я что? Что вы защищаете ее, Николай Константинович?

— Народ говорит! Народ показывает на тебя пальцем!

Заведующий вышел из канцелярии. В коридоре ему помогли найти Наталью. Она жалостно улыбнулась ему и заплакала.

— Это лишнее. Вы эмоциональная, гражданочка. Идемте ко мне в кабинет и успокойтесь, пожалуйста.

Наталья вошла за ним робко, и, как ни было тяжело от впечатления ссоры с девчонкой-инспекторшей, она вспомнила Михаила, вспомнила сразу о всех обидах, которые лавиной обрушила судьба на ее голову. Это так разволновало ее, что не знала, куда себя деть, и уже не могла сдержаться от вновь хлынувших слез.

Заведующий онемел. Походил вокруг нее, разминая до хруста пальцы рук, и снова стал успокаивать:

— Везде... везде случаются неполадки. Вам сейчас необходимо в первую очередь... Стойте, а где-то я вас встречал!

— Наверное, в госбанке?

— Затрудняюсь утверждать... возможно.

Наталья вздохнула облегченно, спрятав в сумку мокрый от слез платочек. Ее смутила простота обращения этого человека, и не столько себя стало жаль, как его, такого внимательного к ней. Она рассказала о себе сначала немного, потом сама не помнила, как получилось: все-все по порядку, с первого дня свадьбы, порассказала о жизни с Михаилом. И как он долго уехал, оставив ее с сыном в чужой халупе, и

как ей трудно сейчас, а муж ни слова о себе не пишет.

Заведующий, кивая, вслушивался в шум деревьев за окном и в то же время слушал посетительницу.

— Теперь с хозяином, Иваном Никитовичем, морока, — продолжала Наталья. — Ходить не может, болеет, бедный, ну я и взялась помочь ему выхлопотать пенсию. За квартиру с нас не берет, вот и решила сделать добро человеку... Ох, заболталась с вами, вы уж извините.

— Ничего-ничего, я сам все это испытал в войну... Когда жена умерла после бомбежки, я, понимаете, места себе не находил. Не мог перенести горе... А сейчас вот один. Внучка, правда, есть, можно сказать, не дает деду скучать. Учится во втором классе.

— А мой сыночек уже в третьем!..

Наталья вздохнула и встала. Оба смутились.

— Вы придите завтра. Документы оставьте, и что в моих силах...

— Спасибо! Ой, опоздала на работу! Ну побегу! — И, схватив зонтик, сумочку, Наталья вылетела из кабинета...

7

Лизка тихонько от Ивана занимала для Натальи в долг столько, сколько та просила. В выходные дни они часто ездили по магазинам. Вот и сегодня возвращались из города, набрали ситца. Вошли в квартиру и не поймут: сидит Иван надутый, мрачнее тучи. Не поздоровался.

— Облигации ты украла? — сразу же начал допрос.

— Какие облигации? — вскинулась Лизка от недоумения. — Да ты сдурел, Иван? Впервые слышу о каких-то облигациях!

— Я их в туалете на бачке в целлофановом ме-

почке держал. А ты, когда белила там, стянула. Не отговаривайся!

— От... от страдания!.. — повернулась Лизка к Наталье за помощью.

Гостья потупилась, не вмешиваясь в дела хозяев.

— Что ж я... воровка, по-твоему, чтобы мужика своего грабить? — все больше возмущалась Лизка.

И пошли перекидываться сквернословием, пушить друг друга один одного хлеще.

Оказывается, Иван прятал облигации на крупную сумму и ничего не говорил жене.

Лизка застыдилась Натальи, которая уже не смотрела на них, сердито изломив подведенные брови. А та, разнервничавшись, устроила переворот вещам, швыряла все подряд, стараясь найти проклятые облигации. Иван тоже кинулся вынимать из шифоньера платья, кофты, блузки, пересыпанные нафталином, обшаривал и швырял их вместе с плечиками на широкую софу. Рылся в ее ботинках, в туфлях и сапожках, заглядывал под диван.

— Ты меня еще обследуй! — кричала Лизка.

Неожиданно Иван прекратил погром — вспомнил! Сунулся на книжную полку, в одном из журналов нашел сверток, перепрятанный им же. Сдул пыль со свертка и мгновенно утих.

— Жадюга! — обозвала его Лизка. — Сдались мне твои сбережения! От кого же ты их прятал? А я себе думаю, что это он с полочки стал меньше носить и в драных штанах ходит!.. Экономист! Не стыдно перед Наташкой?

Словно бы очнувшись от дурного сна, Иван поморщился:

— Ладно, не распускай язык! Сажай гостью за стол, будем ужинать...

За ужином, успокоившись, Лизка спросила Наталью:

— Ну, пишет твой? Каково ему там? Поди, уже

год миновал, всю тайгу небось обходил вдоль и поперек.

Наталья передернула плечами.

— Еще год ждать, терпенья совсем не хватает.

— Поменьше кисни, — вмешался Иван. — Ты брось, Натка, держись до последнего. Жди его.

— А вот тебя бы, такого умного, посадить в мою шкуру да в халупу мою. Дров нет, крыша протекает, углы мокрые...

Иван хмурился, почесывая плечо, вслушивался в жалобы горячившейся невестки.

— Терпи, — перебивал ее. — Вернется — к нам же опять сунется работать. Ходил я в завком: заявление на квартиру как лежало, так и лежит. Пока построят, и он с Урала драпака даст. Ждут его не дождутся, особенно Тимофеич. Такими людьми не разбрасываются, запомни.

— Да, рассказывай сказки.

— К нам переходи со своим барахлом! — повысил голос Иван.

— У вас и так тесно... Вдруг опять исчезнут облигации, греха не оберешься. Правда, Лизка? — подмигнула Наталья невестке. — Не-е, лучше останусь на старом месте...

В предвечернем воздухе золотились пряди косых лучей. Где-то внизу буцали в мяч, слышно было, как ноги мальчишек рвали разросшийся бурьян.

От нечего делатъ сговорились прогуляться в горпарк. Лизка пудрила щеки, водила помадой по губам и в зеркальце видела, что Ивану совсем не до них: он тщательно перевязывал сверток облигаций изоляционной лентой.

— Пошел я в гараж, — объявил женщинам и холодно, коршуном прощупал Наталью. — Будешь писать — передавай леспромхозовцу пламенный привет!..

Дверь захлопнулась, и тишину прервала Лизка:

— Поперся облигации перепрятывать... До черти-

ков устала я от мужа и от его машины. Ночью ему что-то снится, кричит: задний ход! Сбросил меня на пол и длинными ногами по спинке кровати ширяет, на тормоза вроде давит.

— Ой, сдуреешь тут с вами! — Наталья затряслась от смеха. — Мой леспромхозовец, наверное, похлеще там сны видит. Может, и я ему когда-нибудь в шелковой сорочке приснюсь!

Вдохнула, чуть остыв, и обернулась к невестке:

— Ох и долго ты собираешься! Где такие бусы купила? А ну сыми, я надену. Погарцую перед зеркалом.

Лизка скромничала:

— Хорошего мало. Бусы как бусы, обыкновенное украшение. Ты и без них красивая.

Польщенная таким словом, Наталья прихорашивалась, разглядывала в зеркале свое волевое лицо, изгибала талию, повертываясь то в одну сторону, то в другую. Лизке бусы никак не идут, а ей в самый раз.

— Иван молодец, принаряживает тебя.

— Он с машиной больше обнимается, чем со мной. Пусть, ему виднее.

Перебирая бисер, рассыпавшийся на ладони, Наталья вздохнула:

— На танцы бы сходить... заморочить голову академику или летчику! Я в прошлую получку, веришь, все деньги убухала на апельсины. Не удержалась, наелась, как пороса, а теперь не знаю, у кого занять. Ну не дура?

— Дура, конечно.

— Постепенно и Мишку стала забывать. Иногда вспомню, правда, да и то... зевать начинаю.

Сквозь тюлевые занавески сочилось желтое сентябрьское солнце, нежно красило мокрые травы и стволы деревьев.

Они вышли с сумочками на улицу, сели в трамвай и поехали в горпарк.

Прошлись по аллеям парка, потолкались у танц-площадки, но войти постеснялись.

В сумерках за черными кустами говорил репродуктор и мерцал экран. Это крутили бесплатные фильмы, документальные ленты времен революции. Потом показывали какой-то сорт новой кукурузы, и ученый в соломенной шляпе ходил, отводя будыля, присматривался к цветению метелок, трогал початки.

— Ищет что-то, бедненький... — жарко шептала Наталья на ухо невестке. — Я бы с ума сошла, попадись мне такой муж.

— Пойдем сядем, — показала Лизка на скамью. Наталья, заливисто смеясь, попросила сидевшего с краю сутуловатого мужчину подвинуться. Тот отсел и стал сбоку приглядываться. Он свесил между расставленными ногами руки и, казалось, был очень усталым. Однако не сводил внимательного взгляда с Натальи и ее крутой шеи. И вдруг обрадованно заговорил:

— Приятного отдыха. Не узнали меня?

Наталья чуть не подскочила и удивленно посмотрела на соседа. Это был заведующий райсобесом.

— Раз так получилось, Наташа, разрешите представиться и вашей подруге? — Незнакомец вежливо протянул плоскую руку Лизке: — Николай Константинович... Очень приятно!

— Как же это вы не забыли меня? — улыбнулась Наталья.

— И не забуду... Делать нечего, внучку увезли, вот и скучаю один. Выхожу гулять, молодость вспоминаю. Люблю слушать вальсы... Да, пенсионер ваш... как его самочувствие? Жив, здоров?

— Живой.

— Вы не против, девушки, если и я к вам присоединюсь для компании? Пойдемте походим. Опять духовой заиграл. Прямо как по моему заказу!..

Наталья уцепилась за Лизку и властно потянула ее за руку.

— Не вздумай, Ната, — шептала та. — Домой поехали, а то Иван убьет меня.

Николай Константинович тотчас же кинулся покупать мороженое. Гуляли по аллеям, но недолго, потому что Лизку охватил беспричинный страх. Наталья тоже поддавалась растерянности.

Чуткий знакомый не желал расставаться и решил проводить их до самого дома. Скучать не давал, рассказывал много о войне, о бомбежке Севастополя... Лизка переваливалась безмолвной тумбой, дышала тяжело: ей было не до войны. Наталья, наоборот, заслушалась, представляя Севастополь, взрывы, стоны раненых, синее море...

Возле пятиэтажного дома Лизка остановилась, пожелала спокойной ночи, сказав, что в окне горит свет: значит, муж дома.

Наталья и сама была не прочь пуститься до своей калитки, но как намекнуть человеку? Не хватало, чтобы соседки засекли их вместе. Да и Михаил вдруг замаячил перед ней. То забывать стала, а тут опять в глазах стоит...

Однако машинально шла и шла со своим знакомым. Бродили по переулкам, пока не подошли к ее дому.

— Погуляли весело, спасибо вам, — сказала Наталья, глядя не на попугчика, а на темную грозовую тучу. Поежилась плечами. — Дождичек сейчас хлынет. Бежать вам надо до автобуса...

— Вы только не подумайте чего-нибудь плохого, — отозвался Николай Константинович. — Я понимаю, вы замужняя. Но мне хорошо с вами, Наташа... Я и не заметил, как сюда добрались. Давно ни с кем не разговаривал, чтобы так просто...

Расстались сердечно.

А дома Илюша встретил ее враждебно:

— Забыла обо мне! С дядькой там стояла. Я видел...

— Тебе-то какое дело? — вспыхнула Наталья и, рванув мальчишку за ухо, крикнула неистово: — Ты как же это умудрился с ногами немытыми на постель чистую залезть?! — Вдобавок хлестнула еще по затылку, но тут же обняла всплакнувшего сына, заговорила умоляюще: — Прости, сыночек, глупую, касатик ты мой... Больно? У-ух и мамка негодница. Некому ей дрозда дать! Ты, может, поел бы чего-нибудь? Небось целый день бегал, в кастрюлю не заглянул... А это?! Где это ты... так щеку-то распорол? С дерева упал... от же шальной! Так и без головы остаться недолго... — Наталья чмокнула сына, прижав его к груди, и притихла, поддаваясь непонятной, расслабляющей грусти. Села на край дивана, медленно приходя в себя и успокаиваясь, услышала, как зазвенело наверху по железной трубе. Испугалась грома, подумав вдруг о своем знакомом: а если снова встретится он ей на пути?

— Мам, ложись, а то мне свет мешает, — попросил Илюша.

Наталья щелкнула выключателем. Лежа на спине, вздохнула беспокойно.

И тут возле печки затрещал сверчок... Трещание повторилось, сухое и назойливое. Перед глазами встал провожатый с его умным и внимательным лицом...

Душновато. Комар с тонким писком приближался к разгоряченному телу. Шлепнув его, Наталья укрылась простыней и повернулась к стене.

Но заснуть не могла, прислушиваясь к монотонному скрипу сверчка, к хрюканью свиньи в сарае.

Иван Никитович топтался в бурьяне и заглядывал через щель в заборе на территорию строительной

организации, где гудели станки, резала слух скреже-
том циркулярная пила. Пахло свежими древесными
опилками.

— Вот забияки. А ну-к, вертайтесь оттуда! —
кричал он, припадая глазом к щелястому забору.

Оглянулся — Наталья улыбается. Утиной поход-
кой, без хромоты, подошел к ней, поправляя лямки
майки и обстукивая пыльные сандалии.

— С работы? Так я и знал... Илюха твой с сосед-
ским хулиганом по цехам шныряет.

— Чего они туда забрались?

— Бог их знает... Самолет свой вздумали конст-
руировать. Я вот покажу им, как красть государст-
венные рейки. Я чего так суматошусь? Хочу отвести
твоего Илюху от беды, чтобы не заразили его сосед-
ские блатняки... Кума поехала в больницу, а своих
непослушников ко мне согнала, чтоб посмотрел за
ними. Обрадовались, саранчата, что бегать не умею.
Целый день туркаюсь по канавам в грязи, ищу их у
ериков. А они рады в жмурки со мной, пенсионером...

— Маленькие они, Иван Никитович. Что по-
нимают?

— Ну ладно, человек я неученый, но скажу — мы
так не воспитывались...

Подошла Платоновна, и разговор принял житей-
скую сторону.

— Интересно, сколько отдала инженерша за цвет-
ной телевизор, — кивнула Наталья на соседний
дом. — Когда же я буду иметь свой? Завидую лю-
дям! А тут живешь от получки до получки. Хорошо
сейчас пожить в достатке, а не тогда, когда зубы по-
выпадают. — И тут же призналась Платоновне: —
Все фотографии мужа вчера порвала!

— Ой, что же ты натворила, ласточка? Или не
пишет?

— Не волнуют меня его каракули. Не может, как
другие, за живое задеть. Чепуху лепит.

— Нельзя, милая, ведь вы взрослые, — вздохнула Платоновна.

— А денег присылает? — встрял в разговор Иван Никитович.

— Деньгами душу не успокоишь. Говорят, разлука сближает, а у меня все наоборот, отводит Мишку все дальше. Даже Илюшка стал привыкать к безотцовщине.

— Помилуй, что за рассужденья! — воскликнула Платоновна. — Остерегайся сказать такое еще кому-нибудь. Разнесут! Слышь?.. А я считала его бесподобным. Он и не пьет, покладистый, степенный. Люблю я таких, как Миша. Зря ты, Наташа, к нему охладела.

— Главное, чтобы зарплату присылал, семью поддерживал, — заметил Иван Никитович. — Остальное — капризы. Терпения не стало у вас, разбаловали равноправием. Тут дело, знаете, неизвестное. Вдруг начальство поручило Михаилу невыполнимое задание? До любезных ли тут писем?..

Быстро начало смеркаться. Туда-сюда метнулась Наталья, постирала сыну шорты, и высыпали звезды. Не успеешь от дела к делу перейти — день убыл, жизнь человеческая короче.

Платоновна повернулась к калитке, сообщила Наталье, снимавшей белье с веревки:

— Стоит кто-то. Не к тебе ли пожаловал?

Наталья стрельнула взглядом и узнала Николая Константиновича. Тот смотрел на нее из-под шляпы и добродушно улыбался. Оторопела: что ему понадобилось? Да еще с мешком.

— Шел мимо, — объяснил тот, чувствуя себя неловко. — Водички не дадите попить? Колонку искал...

— Колонка под горкой, вы ее там не найдете. Сейчас... — Наталья вздрогнула от своего голоса. — Да вы зайдите, Николай Константинович, не бойтесь, собак

не держим! — Обрадовалась, что ему надо всего лишь напиться.

— Вы никак с огорода?

— Угадали, убирал дыни... Представьте, участок недалеко от ваших домов, где ерик и камыши. Родственница по путевке уехала в санаторий, а меня попросила, понимаете... дыни собрать.

Он поздоровался с Платоновной, снял шляпу. Был доволен, что не воды ему подали, а квасу.

— Устали, конечно, — посочувствовала Наталья. — Я и не ожидала. Хотите, поможем в огороде управиться? Завтра я дома. Мы с Илюшей придем.

— Отзывчивая у вас душа... Идея замечательная, но... неудобно эксплуатировать, — улыбнулся Николай Константинович, возвращая кружку. — Ну если не трудно... Собственно, подвода будет, подносить только надо.

— Вот и ладно, — сказала Наталья, позабыв об осторожности.

Платоновна шлепала веточкой по ногам, отгоняя комаров. Пригласила незнакомца сесть и намекнула, что давно не ела дыни. Николай Константинович выкатил из мешка большую желтую репанку, угостил женщин. Потом поинтересовался Иваном Никитовичем: доволен ли пенсией?

Понюхав дыню, Платоновна ответила:

— Он рад, очень рад! Спасибо! Я сразу и не догадалась, кто вы есть. Может, разбудить его?

Из сеней вырвался густой ворчливый храп.

— Спит, — развела руки Платоновна.

— Пусть отдыхает, не беспокойте...

Будто сговорившись, Наталья и Николай Константинович пошли к автобусной остановке. Голоса их удалялись.

«Смотри, какая отчаянная, ни капли не боится, — подумала Платоновна. — А если Миша узнает?..»

Михаил обошел нижний склад, где штабелевали бревна, и двинулся по белому сугробу, стараясь попадать валенками в ямки чьих-то следов.

Его нагоняли женщины-сучкорубы, молодые уралки с румянцем и пушком на щеках.

— Михаил! — кричали они ему в спину. — Когда мы тебя оженим?! Ау, Михаил!

— Старо! — отмахнулся он. — Сказал же: семья есть. Вот телки-метелки беспонятливые!

Но женщины набежали и с визгом завалили бригадира в снег, давай его мутузить, щеки снегом натирать. Михаил, отряхиваясь, смеялся и слезы вытирал.

К разделочной эстакаде добирались по-мирному. Синее утро, выстуженное холодом, мохнатый иней на штабелях и на обвисших лапах елей делали зиму еще наряднее.

Стропальщики бегали по ярусам накатанных бревен с палками и торопили крановщика:

— Майна! Спишь, что ли, у бога в правом кармане?!

Пачка бревен с грохотом посыпалась в кучу.

Несколько девчат остались на эстакаде, остальных Михаил повел в лес к своей делянке. Им встретились бригады с бензомоторными пилами: убирали «опасные» деревья, прорубали трелевочные волоки. Начальник участка Борцов, заметив сучкорубов, погнал их назад, к старой делянке. Дальше шагать было нельзя — шла валка.

Женщины стали носить в костер валежник и хвост, топорами сбивали низко свисающие сучья. Над костром выскакивали красные сполохи, стреляла хвоя, и вкусно пахло смолой. Из леса выбрался черный трактор с гремющей пастью. На раскряжевочной площадке он развернулся, тракторист выпрыгнул из кабины.

Михаил поспешил снять чокер с кедровины, заговорил с трактористом:

— Кубов тут уйма... Москву обогреть хватит! Как думаешь?

— Скорее отчаливай! Некогда, Миша, Борщов загонял в доску. Приходи вечером в столовую, потолкуем.

Михаил махнул шапкой — катись, мол, раз ты такой. Женщины подошли, окружили лохматую тушу кедра. Затюкали топорами — кто умело, а кто и впервые, неловко. Возле них крутился Михаил, показывая, как с одного-двух ударов отсекает сучья.

Жарко стало!..

Метрах в ста от них качнулась мачтовая соснища, словно бы выпрямилась, и стала медленно валиться, обрушиваясь с пушечным грохотом. Тайга отозвалась гулко ухающим вздохом. В том месте, где возвышалась великанша, в проеме вскружилась белая пыль с блестками инея. Постепенно высинилась густота неба.

— Работенки подбавилось, хватайте ее, пока не убежала! — крикнул Михаил. — Не стесняйтесь, бабы!

Повеселевшие женщины обступили поверженное дерево, чтобы освободить его от оструг и пышного игольчатого лапника.

Дышалось Михаилу легко, и сила играла в его плечах...

Вечером почтарь принес письмо от Платоновны.

«Детка моя, — писала старушка, — не хотела я тебе говорить, думала: пусть Мишенька от брата узнает, меж родных и беда легче. Но сегодня видела твоего Ваню, спросила, написал ли тебе про Наташку, а он мне: «То их дело, а я влезать не хочу. У меня своих забот полно». Как же так, думаю, Миша ничего не знает, а у них же дите общее...

Мишенька, Наташа-то от нас съехала, она теперь в Алуште живет, курортничает. Встретился ей вдовец

пожилой, у него жена померла. Плохого о нем не скажу — тихий, уважительный, в райсобесе начальником был, помог моему Ивану Никитовичу пенсию оформить. Наташка сперва смеялась: молю побитый, а потом будто умом тронулась. Любовь не любовь, я-то уж разбираюсь, а что-то такое есть. И укатила с ним, вроде подальше от сплетен и разговоров. Такие-то дела...»

Михаил смял конверт. «Так, значит... Какая же стерва Наташка! До весны осталось подождать. Что она: умом трахнулась? Только вот Илюшка... с кем он рыбу ловить теперь будет? Не с этим же... молю побитым...»

10

В кладовке, находившейся в углу мастерской, собрались покурить. Посапывая, ремонтники ютились у чадного керогаза. На пламени в прокопченной кружке вот-вот закипит заварка.

Отряхивая снег, забрел кузнец — курносый, пахнувший морозом сибиряк. Размял плечи, попросил у Аникея табачку.

Механик, большой охотник до чая, то и дело заглядывал в кружку, как утка в корыто, и без надобности поправлял ее. Потом спросил кузнеца:

— Сделал скобы аль нет?

— Успею... Коксу жменька осталась всего, мало, — и отмахнулся, добываясь своего. — Ты вот дай работничка золотого, а хоть и посеребренного. Без сподручного пуп трещит.

Никто не вникал в справедливость сказанных им слов, помалкивали. Механик снял кружку, сцедил черную, как нефть, жидкость в стеклянную банку, отошел равнодушно:

— Бери сподручным Аникея. Пусть жир сгонит лишний. Заленился под боком у комендантши, она ему там втихаря картошечку жарит... — И повернулся к Аникею: — Иди помахай кувалдой, эй!

— Э-ге! — запротестовал Аникей, кивнув на бензомоторную пилу, валявшуюся в углу. — Я сёдня дровишки, по плану которые, еще не пилил. Дуська мне голову намылит...

В дверях появился Михаил.

— Заходи, гражданин! — повеселел кузнец. — Ну как, Михаил, по дому не скупаешь?

— Прямо как у следователя на допросе. — Михаил усмехнулся, потер ладони, отогревая, подошел к окну, затянутому морозным инеем. — Я пришел, мужики, насчет трактора!

— Лебедку заменили, готова колымага. А хозяина медведи уволокли. Жди, если хочешь.

— Ждать некогда, — вздохнул Михаил и притих.

В дверь заглянула Роза, спросила, кто тут топоры точит.

Механик почесал затылок.

— А тебя, кисонька, кто сюда послал?

— Сама.

— Ну вот сама и точи. На участке у вас есть вагон-мастерская...

Роза застеснялась. Увидев Михаила, подступила к нему:

— А вы не поточите?

Михаил кивнул и услышал за спиной прошелестевший шепоток, сдерживаемый смех. Механик бросил слесарю:

— Она за Мишкой давно-о стремает. Повод нашла — топорик поточить...

В полутемном пространстве мастерской заработало точило. Станок дребезжал, густые искры летели на Михаила. Отдал Розе блеснувший лезвием топор, и девушка вышла вслед за ним.

На склонах гор шумела тайга. Было странно видеть усталость поломанных деревьев, смотреть сквозь их костлявые ветви, как нежно сочится небесная синь. Машины с прицепами выносились из-за крутых поворотов

и с ревом бросались вниз. Михаил оттеснил Розу под кедр. Стояли чуть не по пояс в сугробе и ждали, когда проедут лесовозы.

— Дуреха! — сказал Михаил, когда стих машинный гул. — Ну и долго так будешь? Пора умом запастись, скажу. И не ходи больше... как тень шатаешься. Все видят, себе же плохо делаешь.

— Не знаю, — тихо сказала Роза и улыбнулась, не смело кольнув бригадира темными глазами.

— А кто знает? — усмехнулся Михаил.

— Какие-то эти шофера... — сказала еще тише Роза, отводя взгляд в сторону. — С ними не поговоришь откровенно, ласки не дождешься. А ты, Миша...

— Что я? Договаривай.

— Не знаю... Мне кажется, ты не смог бы обидеть женщину.

Михаил лихо сбил на затылок шапку.

— Говоришь, я не такой? Могу быть всяким... Ишь, красивая на морозе!

Он обнял Розу и поцеловал в щеку. Но она тут же отшатнулась и выбежала на дорогу.

— Да куда же ты? Вот пугливая, пошутил я...

Михаил весело побежал за ней. Но когда догнал и увидел заплаканное лицо, как-то враз остыл. Роза успокоилась и сбивчиво заговорила:

— Помню... была еще молоденькой совсем, а уже чувствовала в себе что-то такое, что объяснить не могу. Думала, встречу человека... такого, как ты... — Она вздохнула, сделав над собой усилие, чтобы договорить: — Я бы для этого человека ничего бы, кажется, не пожалела. Все бы отдала, все-все... Но не встретила, сколько живу... Если нет души, взаимности, то и любви откуда взяться. На базаре ведь не купишь. Правда, Миша?

Тот снова усмехнулся и неожиданно для себя предложил:

— Заходи сегодня к Аникею. Чайку попьем с моими земляками, поговорим. Придешь?

— Ты же сказал... — ответила Роза.

Поневоле подумал о ней с уважением. Молодая, опыту нет, но ведь старается. Приходится ему мудрить: часть своих же нарядов не на себя записывает, а на Розу, и никто об этом пока не знает. Да и кому до этого дело? Руки, бедная, все поискалечила, не в одном месте, так в другом перебинтовано, а из бригады уходить не хочет. Ей бы с детьми нежиться, ласкать малышей, а не сучья крошить топором... Упрямая, хоть кол на голове теши!..

— Слушай! — вспомнил Михаил. — Ты же на парфюмерке раньше работала! Помнишь, рассказывала?

— Да, на фабрике, после вечерней школы... — запинаясь, подтвердила Роза.

— Знаешь, хочу посоветоваться с начальником. Борщов согласится перевести тебя в библиотеку или садик, где полегче. Пойдешь?

— Как? — чуть не задохнулась девушка. — Стало быть, я... не нужна вам, выходит?

Михаил встряхнул Розу за худенькие плечи, рассердился.

— Ну и наивная же ты! Я ведь помочь хочу, чтобы не мучилась. А ты уже плакать...

— Никуда не пойду... от девчонок... И тебя привыкла видеть в бригаде. Люблю, когда ты командуешь нами.

Михаил рассмеялся. Ну и позабавила!

— Бабами командовать уж такое удовольствие! — Роясь в карманах, Михаил с сожалением промолвил: — Вот письмо получил, ищу, не знаю, куда делось. От Тимофеича, своего мастера. Зовет на ТЭЦ. Все равно я долго здесь не задержусь... Там-то хоть в почете был.

— И у нас ты в почете.

— К котлам тянет, к железу. А что лес? Я сам в

лесах вологодских родился... А ты о себе подумай, Розка. Подыщи работенку. Напрасно, мне кажется, сбежала с парфюмерки.

Девушка поежилась от холода и покачала головой, не соглашаясь.

— Хотелось побывать в далеких местах, людей по-видать. Мечта сбылась...

— Я жене и брату, — перебил Михаил, — натрепался: поеду, мол, за длинным рублем. А потянуло, сказать по-честному, на тайгу уральскую поглядеть. Как и тебе. Соблазнил один, много кой-чего наболтал о Нижнем Тагиле. Все заводы хвалил. Я и развесил уши.

— И поверили жена и брат, что за рублем поехал?

— А почему бы и нет? Да я и думать не хочу о жене, раз с другим связалась... Признаться по правде, от души люблюсь здешней зимой. На рудники пешочком ходил. На птиц нет-нет да и гляну, смотрю, куда летят. Да вот впрягли меня в бригады, не до романтики. Сама знаешь, как достается мне. Борщов план требует...

С какой нежностью и восхищением смотрела Роза на бригадира, стараясь не пропустить ни одного его слова! Не хитрит, не изворачивается — весь на виду. Никогда и никто с ней так искренне не говорил, не жалел. От комендантши Дуси кое-что узнала о его прошлом, о Наталье, погнавшейся за другим... И Михаил для нее, она это чувствовала, оказывался самым близким, самым дорогим человеком. Одно лишь угнетало, что не такая она заметная и веселая, как ее подружки Аксинья и Глаша. Нет фигуры видной, жалостливая и робкая. На таких не очень-то обращают внимание...

11

Была ночь, усеянная блестками звезд, похожими на леденцы.

Снег белел шапками на заборах и сараях, на крышах деревянных темных изб и на новых дощатых, по-

строенных недавно для семей вербованных. Из печных труб в вышину тянулись столбами пышные дымы, и казалось, на них держится необъятная бездна вселенной...

Застудились на морозе, и Михаил попросился в гости.

В комнатке, куда привела его Роза, было тесно, но уютно и тепло. Она зажгла керосиновую лампу и, улыбаясь, оглянулась на гостя. Постирушки висят, сохнут на веревке... И пока он осматривал простенькую обстановку комнаты, хозяйка успела принести полную вазу свежемороженой брусники.

Михаил попробовал и поморщился.

— Кислая... а вкусная. Если бы еще с сахарком!

— Сама собирала на болоте.

— Спасибо за угощение. А водички не дашь напиться?

— Чаю, может?

Не отказался, снял фуфайку. Роза показала, куда повесить.

Но странно: не о чем было говорить. Голос девушки от волнения срывался, и это волнение передалось ему, притихшему за столом.

Наливая в кружки кипяток, Роза вдруг увидела на щеке гостя, шевелившего насупленными бровями, синяк.

— А это... откуда? — испуганно спросила, придвинувшись поближе. — Ой, мамочки... как же это так?

— Ерунда, — отмахнулся он равнодушно, выпрямляясь за столом. перевел дыхание и сказал: — Ты сядь... не суетись. Хочу на тебя поглядеть.

Она послушно села рядом, стала допытываться, откуда синяк.

— Калымщик тюменский, тот самый рыжий, — признался Михаил. — Никак не хотел гнать трактор с

дровами для вас. Глашка с Аксиньей обозвали его, он и обиделся. Ну, мы и схлестнулись. Дело мужское... Ну давай попьем чайку, и побегу!

После двух кружек чая распарился Михаил окончательно. Поблагодарил хозяйку, едва сдержался, чтобы не обнять ее.

Шапку на лохмы свои набросил и сказал, пожимая плечами:

— Гляжу и удивляюсь: какая-то ты не от мира сего. Хоть бы заругалась, что ли. И сердиться, наверное, не умеешь? Свалилась ты на мою головушку! Ладно, побегу! А то у меня ледник в хате, хоть малость подтоплю...

Роза оделась и, радостная, вышла проводить.

Хрумкали по подмерзшему снежку. Весело шагать в теплых, подсушенных у печки валенках! Едва различимые домики леспромхозовцев разбросаны по склону, чернеют то выше, то ниже, а местами толпами сгрудились, чтобы не скучать ночью. Шесты на крышах похожи на антенны.

Роза любовалась небом и таежной тишиной, которую, казалось, легко расколоть на глыбы одним звуком. Но больше всего радовалась, что рядом Михаил. Варешкой стряхнула с его плеча крошки снега, упавшие откуда-то с ветки, и залилась смехом. Откликнулись, выскакивая из дворов, собаки.

Взявшись за руки, Михаил и Роза скатились с горки и побежали до следующего переулочка...

Что-то непонятное творилось в душе. Михаил уловил в себе разбушевавшуюся вольность, не отпускал смеющуюся девушку. А когда простились наконец, он метнулся вниз, дырявя валенками нетронутый снег и увлекая за собой свору собак. Однако не все за ним ринулись, и Роза перепугалась оставшихся.

— Миша-а! — крикнула пронзительно. — Постой, вернись!

И поспешила к поднимававшемуся навстречу Михаилу.

— Смотри, сколько их...

— Да не укусят! Не бойся, глупая... Ну пойдем, моя очередь провожать!..

Девчат в комнате не было — не явились с танцев.

Роза скинула с себя меховую куртку. Румянец ее щек бросился Михаилу в глаза, и он вздохнул с досадой: жаль, что намного старше ее. С темными, гладко причесанными волосами, с губами, как брусничные ягоды, была она такой свежей, как на картинке!..

Михаил прикрутил керосиновую лампу, и тень его на стене сдвинулась в ее сторону. Роза обомлела от приятного испуга, прижала обе ладони к горящим щекам, боясь поднять голову. Он лишь слегка коснулся ее волос и нежной наклоненной шеи. Но и этого было достаточно, чтобы вскинуть на него взгляд, переполненный радостью... Медленно и неслышно встала, прильнула к груди Михаила. Упала табуретка, и, вздрогнув, они оглянулись.

Задыхаясь в поцелуе, Роза вдруг встрепенулась: а если подружки нагрянут?

Сдерживая неровное дыхание, Михаил тоже прислушался.

— По-моему... скажут твои. Слышишь, разговаривают?

— Они, — кивнула Роза и, выскользнув из рук Михаила, отошла к окну, поправляя волосы. Прибавила свету в лампе, посмотрела на Михаила, не зная, как теперь быть.

— Пусть, — сказал Михаил, прислушиваясь к смеху за окном.

— А может, успеешь уйти?

— Не буду я прятаться... Жены у меня нет, я свободный. Пусть!

Он сел на табуретку и уставился в мутное окно...

В предрассветном воздухе темными сторожами по-выстраивались сосны. Вершинами они почти доставали ползущие белесые облака, и казалось, что-то мешает им подняться еще выше, поэтому и гляделись угрюмыми.

Рассветало неохотно, но все же день наступал.

Замелькали хлопья снега. Они напомнили Михаилу, стоявшему у окна, что нет больше у него семьи, а есть Розка, которой он не пара и которая теперь рябит, мельтешит перед глазами, как этот снег...

Михаил оцепенело сунул ноги в подсушенные, испачканные печной известью ватные штаны и умылся.

Небо очищалось, снег сыпался реденький, потом совсем перестал. Защебетали птицы под ледяными гроздьями острых сосуллек. Как апельсин, приподнималось солнце из тумана над седыми дальними хребтами. Тени от деревьев и домов обозначились на светлом снегу. Ленивую тишину вспорол трактор, дырчавший на крутизне.

Михаил доел из кастрюльки холодные картошины, схватил сумку, шапку. Глянул в обломок зеркала — эх, побриться не успел! Голова окосматилась, физиономия неухоженная, а все равно веселая...

К разделочной эстакаде прибыл немного с опозданием. Бригада вовсю грюкала топорами, обрубая сучья. Пошутил, чтобы загладить вину.

Вальщик, собиравший профсоюзные взносы, подкатился к Михаилу и сообщил, что через час начнется совещание бригадиров.

Роза со стороны поглядывала на Михаила, как он спорил с профсоюзником, и улыбалась. Заметив ее, Михаил не прямо, а кружным путем подобрался к ней, хмурясь для видимости. Выбрав подходящий момент, тихо предупредил:

— Сегодня... жди. Понравилась брусничка! Еще есть?

— Есть, — озарилось лицо Розы, вспыхнувшее как от огня.

И как она воскрылилась, стала стучать топором по лапнику — просто на удивление!..

Михаил подходил к другим женщинам, указывал на промахи. Распорядился, чтобы до вечера поработали без него, и зашагал по глубокому снегу к конторе.

В красном уголке на длинных скамьях уже сидели бригадиры. Михаил поздоровался с каждым за руку. Делились новостями, заботами, бедами.

Перед самым началом совещания его разыскала комендантша Дуся, передала письмо. Втиснул было в карман, однако любопытство заставило достать и прочесть. Подумал, что от мастера Тимофеича, который частенько забрасывал то письмами о новостях на ТЭЦ, то поздравительными открытками в канун праздников. Упрям Тимофеич — все норовит вызволить беглеца из тайги.

Но почерк на конверте был не его, а брата Ивана. Михаил испытал разочарование: ничего хорошего не жди от Ивана. А может, что-то про Наталью и сына?

Предчувствие не обмануло его. Что только не бузил Иван в своем письме: то клял Наталью, то обвинял его во всех грехах. Мало, мол, сюсюкал в своих посланиях из тайги. А они, химеры, оттого сохнут, изменяют, что не получают нужного внимания. Ослабил, мол, ты вожжи, бывший вологодский конюх, потому и сбежала жена с другим. У побитого молю есть хоть дом и деньги, ослепившие Наталью, а ты до сих пор голый! Небось на шапку себе еще не заработал...

Обидными, глупыми показались Михаилу напоминания о вологодском конюхе и о шапке. Он даже отказался выступать, когда его попросили к трибуне. Сбил Иван с толку...

Уходил с совещания сутулый и раздерганный, никого не замечал. Улетучились блажь и желание свидеться сегодня с татарочкой.

Но, как нарочно, встретила она ему возле хлебного магазина. Зубы стиснул от ее цепляющейся стыдливой улыбки и поспешно удалился, лавируя по утоптаным стежкам...

Сидя у себя в нетопленном жилище, Михаил крепко задумался, представляя, как брат возносится над ним и посмеивается... Что же она наделала, подлая Наташка? словно бы наказание за Розку. А при чем тут Розка, если жена еще раньше связалась с другим?..

С неделю Михаил не подходил к татарочке. И в лесу старался реже попадаться ей на глаза. Роза опухла вся от слез, стала его бояться.

Но как-то, возвращаясь к себе, он завернул к ней. Едва переступил порог темного коридора, как сразу же наткнулся на кинувшуюся к нему жалкую и худую Розу... И точно схлынуло с него недоброе, копившееся тяжелым грузом от презрения к Наталье и брату. Роза облегчила его страдания, молчком перетерпев обидные ласки...

Теперь любовь Розы согревала Михаила, хотелось видеть ее каждый день. Он уже не мог обходиться без ее робкого голоса, дрожащих слабых рук. Чуткими пальцами они перебирали его шевелюру, словно тем самым помогая избавиться от всего, что мучило и грызло душу. Если посылали бригаду далеко в лес, то он и там ухитрялся отбиваться с ней в сторону. Казалось, дожидаться не мог, когда кончится день, чтобы чуть не бегом зашагать прямо к ней. Кстати, Аксинья и Глаша перебрались жить к Дусе.

Постепенно он отмахнулся от всех переживаний, удивлялся про себя: вот оказия с любовью, как способна она мутить разум! Тем не менее другой жизни он не желал. Хорошо было с Розой. И она при виде его сразу светлела, переполнялась счастьем.

Михаил не мешал ей радоваться. Настораживало его другое: замечал в ее глазах затаенную встревоженность. И понял по-своему: догадывается, что истекает срок вербовки и оставаться он здесь не намерен...

13

Март уже кончался, а тепла весеннего все не было. Раскуражилась, еще злее бушевала зима...

По улице мел верховой ветер, обдувая стены бревенчатых домов. Выжигал хрупко-стеклянные стежки до блеска и, нагулявшись по болотным низинам, спокойно уходил в лес, шумел в тайге, растрясывал на кустах рябины оставшиеся кровавые капли. Гулко проваливались и дырявили снег падавшие с мохнатых елей шишки.

Аникей спал у себя в рубленой избе, сидя на сапожной раскладной скамейке, в фартуке, весь заросший, а на губе теплилась ухмылка.

В проеме двери, напуская жгучий холод и теребя варежки, стояла Дуся Пономарева. Она сдвинула платок назад, к затылку, и сузила глаза.

— Друг липовый, ты что это? — встряхнула вислое плечо хозяина. — Закрепили ко мне помощником, а он из похмелья не вылазит. Айда матрацы пересчитывать в кладовой... Слышь, Аникей!...

Аникей pokrхтел и стал собираться.

Но тут как раз явился Михаил. У него пропотели ватные штаны, горели ноги в мокрых валенках.

Аникей потрогал свое шершавое лицо, вздохнул, поглядывая на бригадира.

— Удирать еще не думаешь?

— Спешить некуда, никто не ждет, — отозвался Михаил.

— Эх, Аникей! — пропела Дуся. — Не вставляй палки в колеса. Пусть люди своим умом живут, и нечего дурное советовать. Везде можно работать. На Куба-

ни жарко, а тут зато зима какая! А летом ягод с грибами — чем хошь гребь!

— Чем хошь... Научилась по-тутошнему!

— Гля, какой сердитый... Разошелся! Потому-то, может, у тебя и семьи нет.

— Ай, отстань! У самой-то кто есть?

— Одна, Аникуша. Плохо, видать, старалась. А людей я уважаю. Знаю, что рядом они, всегда помогут, если в беде окажусь...

Михаил не слушал их, сидел у окна подавленный. Не знал, как дальше налаживать жизнь, отнявшую у него сына. И привязанность Розы беспокоила, словно бы цепью связали ему руки.

Аникей зевнул.

— Ты хотел бы иметь машину, Мишка? Давай на чистоту.

— Не думал вообще-то, хотя... чем черт не шутит. Подсчитал вчера свои лесные заработки и, представь, хватит уже на машину. И права, кстати, имею, еще до ТЭЦ на фургоне почтовом лётал.

— Понятно, — кивнул Аникей. — Если желаешь, то помогу, паря. Едь-ка ты в Пермь. Адрес я найду, хороший человек, знакомый моей сестры. Письмо мне недавно прислал: у него «Москвич» последнего выпуска, новый, а хочет «Волгу». Спрашивал, не возьму ли? Да на кой она мне.

— Слушай, Аникей, — заговорил Михаил, — знакомец твой сколько ждать может?

— С месяц-то потерпит.

— Ты отбей ему телеграмму. На вот тебе. — Михаил вытянул из кармана пятерку. — Подробно напиши — есть, мол, человек, друг, слышь?

— Это можно. Завтра, ладно уж, схожу и отобью.

— Да ты сегодня!..

Дуся страдальчески глядела на Михаила, упрасившего Аникея. А тот заволновался, подогреваемый желанием сегодня, хоть сейчас, обрести себе дранду-

лет. Уставился на плешь хозяина, который ленился встать со скамейки.

— Если так, Аникей. Раз подваливает удача... я сейчас бегом за пивом! Ты сиди! Дуся, ты тоже! Не уходите оба. Или мы не казаки?

— Ой, пойду, мужики, пейте сами, — отказалась Дуся.

Михаил с бидоном кинулся к огням поселка, ватник распахнулся — из груди жар. Наконец-то! Теперь-то он не голым прикатит, а на собственной машине. Пусть тогда позавидует жена-изменница... Эге, жизнь становится интересней!..

Споткнулся нечаянно и поехал с горы, тарабаня пустым бидоном по ледяной дорожке, пока не ткнулся в пухлый сугроб. Выскочил весь в снежных лепешках, как в простокваше. Встречные отскакивали, думали — пьян человек... Но вот заметил он смеявшегося над ним мальчугана и замер, всматриваясь в него. Показалось, что перед ним Илюша. Поднялся — качнуло в сторону, сердце сжалось от горя. Ссутулившись, он медленно под вой ветра побрел к столовой...

14

Роза переменялась за эти дни, щеки впали — не узнать. Она всегда терялась, когда без стука вламывалась к ней Михаил.

— Сядь, — торопливо придвигала ему табуретку. Он приглашал и ее сесть рядом, будто она была в гостях.

— Тоска заела, — признавался.

— Что же тебя мучает, миленький? — участливо спрашивала Роза.

— Наташка, бывало, тоже, когда с животом дутым носилась, все наглядеться на меня не могла. А потом... Нет, — спохватывался он, — ты лучше ее. В тысячу раз лучше.

Удивленно смотрел на ее новую короткую стрижку, жалел о тех опрятно сложенных на затылке темных, гладко причесанных волосах, что были заплетены в толстую косу.

— Дуся Пономарева за тобой приглядит. Я договорился с ней. Держись комендантши... И не больно ходи вслепую, не то не убережешь наше богатство. А я... извини. Дерну отсюда.

Он обнял ее за талию, когда Роза со вздохом встала.

— Улыбнись, ну! Или не умеешь?

— Я не держу тебя...

— Устроиться надо, оглядеться. Сама понимаешь... Подожди здесь немного.

Роза опустила голову, отвернувшись, пряча душившие ее слезы. Михаил успокаивал неумело, будто давно уже разучился это делать.

— Я... все равно буду любить. Я люблю тебя, миленький... Поезжай, поезжай, конечно, — неутешно плакала, обессиленно садясь к столу.

Вроде бы свободен он, отпускает. Да как же ее такую оставишь? Кому нужна она с животом и кто теперь о ней позаботится, если его не будет? Другой бригадир не расщедрится. Зарабатывать будет тютельку. Тогда и вовсе расхандрится...

Михаил оделся и вышел от Розы с тяжелым чувством, словно белый свет помутился.

15

— Глаша, Аксинья! Трактор прет, поторапливайтесь, телки-метелки!

Михаил подошел к Розе. Разгреб валенком место, утоптал, чтобы в сугробе не стояла.

— Ты по погону, по погону руби.

— Как? — чуть слышно спросила Роза.

— Дай-ка... Забыла инструктаж? Учил, учил... Что это с тобой нынче? Будто впервые топор держишь.

Смотри... Топор к стволу прижимай, не ляскай им, абы стучать. Не оставляй мутовок. Счесывай, не болтай зря рукой — вгоняй и вгоняй половчее. Гляди, как твои подруги действуют.

Но Роза молчала, поджав губы. И Михаил понял, что напрасно учил ее практике: не до того ей было. Девчата сели погреться к костру, а Роза отошла в сторону.

— Что же ты, Михаил? — заругала его Аксинья. — И не пожалеешь. Зови ее, окоченеет девка!

— Рябину небось к чаю рвет.

— Какая уж там рябина, когда места себе не находит!

Он всадил топор в дерево и поплелся к Розе. Привел ее.

Отогревшись, подшучивали друг над другом.

— Мне бы, эх, такого, чтоб убиваться! — заливалась бисером Аксинья, расширяя ноздри от смеха. — Передыху чтоб не было в любви. Да жаль, перевелись мужички!

Михаил, с опаской поглядывая на беременную Розу, сдвинул на затылок шапку, старался сам отвлечься и других рассмешать.

— Вот раньше была любовь — это да-а!... Задумал отец женить сына — стукнуло тому восемнадцать... Нашли ему невесту, свели их ночью. А жених-то и утек, прибегает к отцу. «Ты чево?» — отец спрашивает. «А ну ее, — говорит сын и кулаком под носом вытирает. — Бьется шибко, лягается!»

— Сатана, а не Мишка! — хохотали женщины до слез. — То ж на Вологодчине твоей, а ты нам про море Черное сказывай! Неужто у вас в марте яблоньки цветут, так рано?

— Редиской в феврале торгуют.

— От где рай, ты по-ду-май!

— Слушайте брехуна!

— Ну во-о-о-т, неверующие фомки. Говорю же, что так...

За смехом и шутками не заметили, как подошел к ним Борщов.

— Перекуриваем, сучкорубы? Дров много стопили?

— Грейтесь, товарищ начальник!

— Некогда, в следующий раз... Кукин, пойдем поговорим, — обратился к Михаилу.

Они спустились к речке, перешли по льду и выбрались на противоположный взгорок берега. Михаил на ходу срывал с рябины мерзлые ягоды, глотал с удовольствием. По бокам от стежки, на которую они вышли, высился в завалах покалеченный лес. Борщов сокрушался на бесхозяйственность, хотя сам как начальник участка ничего не предпринимал, чтобы ликвидировать ее, и понимал это, помалкивал на собраниях. От него требовали выполнения плана, а он, в свою очередь, того же требовал от подчиненных. Лесорубам, вальщикам и рабочим лесопильного цеха давай верный заработок — вали кедрачи. Молодняк же волей-неволей приходилось мять, калечить...

Раньше Михаил негодовал, глядя на такие безобразия, а сейчас ему не до того было. Настроился в дорогу дальнюю, где уж тут кипятиться.

Вошли в вагон-столовую. На столе были разбросаны шахматы. Борщов покряхтел, жалуясь на преклонные годы, и показал Михаилу на стул. Сгреб фигуры, сдернул с рук кожаные перчатки.

— Бесповоротно надумал уезжать, Кукин? Или пугаешь?

— Пора, — ответил Михаил, ожидавший этого вопроса.

Борщов ухватил шахматную фигурку, царапнул крепким ногтем по лаку.

— Неволить не могу, не имею права. Срок вербовки кончился. Однако, может, останешься? Повысим в должности, дадим две-три бригады орлов, раз надоело

воевать с девушками... Не думай, что заманиваю. Сколько ты ни работал, всегда не меньше ста процентов. И с людьми ты ладишь. Редко такое у нас случается, потому ты и нужный, необходимый нам человек.

— Нет, не уговаривайте, — решительно сказал Михаил. — Перевоспитывайте свои кадры. А это не выход... выезжать на совестливых. Конечно, и тут остаться можно, но у меня другие планы.

— Какие же, если не секрет? Жена, ты сам говорил, не ждет.

— Покупка одна подвернулась... Кое-кому хочется нос утереть. Да и тянет на старое место.

— Та-ак... А скажи мне, Кукин, тебе Розку не жалко?

— Ну, куда поехали! Это уж дело личное. Разведусь официально, тогда и видно будет: жалко или забудется моя жалость.

— Смотрю я на тебя, Кукин, и не пойму: или ты дыму на себя напускаешь?.. У нее же нет никого, кроме бабки и тетки. Девка-то со всей душой к тебе, а ты в сторону.

— Ко мне и другие... со всей душой, — нахмурился Михаил. — Вот и вы, Илья Евгеньевич...

Борщов встал, приглушая в себе задетое самолюбие, и закончил:

— Эх, Кукин, Кукин, ты думаешь, Борщов только о «кубиках» заботится?.. Ладно, будем считать — не получилось у нас разговора.

С этими словами начальник повернулся и вышел.

Посидев недолго, Михаил поднялся из-за стола и тоже направился к выходу. Но чуть не столкнулся лицом к лицу с Розой. Растерянная от волнения, она проговорила слабым, прерывающимся голосом:

— Миша, не уезжай! У нас же... будет ребеночек. Твой... и мой. Я люблю тебя.

Михаил помял шапку, угнул голову.

— Все равно будет по-моему... А тебе советую уходить в садик или библиотеку. Пора на легкий труд.

— Мишенька...

— Опять! — досадливо поморщился Михаил и хотел обойти Розу.

Но та всколыхнулась, обняла его, прильнув горячей и мокрой от слез щекой.

— Остынь, — глухо выдавил Михаил, не переносивший слез. — Люди сейчас войдут, уймись.

Оторвал от себя тонкие, почти детские руки, грубо толкнул коленом дверь и оказался на улице. Проваливаясь в сугробы, заспешил в поселок. По дороге то и дело натыкался на стволы тонких березок, которые, казалось, как и Розка, преграждали ему путь. Но он все шел, не оборачиваясь, к поселку, над которым красным шаром висело заходящее солнце. Не видел Михаил, как провожала его заплаканным взглядом Роза: казалось ей, что одумается он сейчас, распрямит свои дюжие плечи, схватит ручищами солнце и вскинет его над головой, чтобы осветить ее судьбу, не затуманить морозной мглой...

16

Ночью Михаил выбрался с чемоданом на хорошо укатанную дорогу, по которой возили лес. Прислушался к лаю собак на горе и бегом пустился на станцию.

В станционном домишке было накурено недавно уехавшими пассажирами. Он узнал, что прибытие следующего поезда через сутки, и тут же пропала его лихость. Если бы не пурга, можно бы вернуться в поселок, отваяться у Аникея. Да куда уж теперь, в такую непогоду...

Удрученный бездельем, Михаил не знал, как убить время. С чемоданом он несколько раз выходил из помещения, промерзал до костей, задирая голову в мутное пуржистое небо... Вспоминал, как приехал сюда, на

эту станцию, как посадил Розу в кузов машины, а потом, сидя под брезентом, познакомился с ней на свою беду... И сам себе не поверил, что отбыл здесь, в тайге, полных два сезона, даже чуть больше...

Снегом заметало железнодорожную насыпь и лес. Две лампочки, болтавшиеся на столбах, освещали скудным светом штабеля досок, кучи угля, сторожевую будку, склады. В жиденьком свете, исходящем от тусклых маленьких лампочек, густо веяло мучнистой пылью.

Почудилось, будто сани подкатали. Возница в темноте привязал лошадь к столбу и, открыв дверь, втиснулся в помещение, бухая сапогами.

Михаил обрадовался человеку, стал просить довести его до леспромхоза. Возница согласился. Прихватив чемодан, Михаил торопливо выскочил вслед за ним и уселся в сани...

Над темной стеной гудевшей тайги сквозь снежные завихрения мутно круглилась белая луна. Из крошечной тьмы в лицо ударил ветер, обжег морозным вихрем. Михаил отвернулся, подгрел солому к ногам, но это мало помогло. Отовсюду задувал собачий холод.

— Едешь-то правильно, отец? — спросил он, сомневаясь. — Что-то долго мы чухаемся, не вижу леспромхоза!

— Увидишь! Ты солому-то не тащи из-под меня, самому не больно жарко. — Возница хлестнул лошадь кнутом и перевел разговор: — В армии служил?

— Давно-о...

— Ну и рассказал бы про службу! А не то сдери с тебя за проезд, если будешь молчать!

— Расплачусь, если надо.

— Зачем в леспромхоз-то катишь?

— Да попрощаться не успел... Есть там у меня одна... любит!

— Курить нету?

— Не курю, отец...

— А где ж ты служил, если не секрет?

— На свинарне больше! Я был несмекалистый, недотепа... из деревни, понимаешь. Там таких на хоздвор посылали. Свиньи грязные, уход за ними нужен, сам знаешь... Одна, помню, околела. Не успели ее закопать — вдруг командир части приходит! Видит, что худоба на боку лежит, а не поймет. «Эй, — кричит, — свинары!» — «Я тут. Слушаю, товарищ полковник!» — «Это что такое? Те бегают, а эта разлеглась!» — «Сдохла, наверное, товарищ полковник!» — «Как сдохла? Даю пять минут, чтобы стояла на ногах! Потом доложите!» — «Слушаю, товарищ полковник!..» Ответил ему так, а сам думаю: ну и влип! Да тут еще хоздворовцы ржут, наблюдая со стороны... Отволока свинью, закопал и пошел докладывать командиру части, что бегают. А он тогда...

Михаил осекся, чуть не вылетев из саней на повороте. С удивлением огляделся: место было незнакомое. Луна сместилась влево, подползавшие к ней облака будто проглатывали ее. Кругом шумел погруженный в темноту лес.

— Где мы? — затормошил возницу. — Так это же не леспромхоз!

— А откуда мне знать, в какой ты едешь леспромхоз? Их ведь тут как елок-палок в лесу!

— Мне до Лозьвинского... Заворачивай на станцию!

Возница всполошился и сам накинудся на попутчика:

— В Серов еду! От Серова и подавайся куда думаешь! Не учи меня, старого!

Михаил уже слышал, что от Серова легче добраться до Перми. Но как же с Розкой быть? Хотел вернуться, попрощаться... Или не судьба им больше встретиться?

С досады он чуть не столкнул возницу с саней, но закусил губу и примолк: придется ехать до Серова...

Дуся разыскала Розу у лесопильного цеха, на прожезжей дороге: та поджидала попутную машину. Заботливая комендантша успокоила ее, привела к себе.

— С ума сошла, девка! Куда ты в такую пургу?

— Ой, тетя Дуся! — горько заплакала Роза.

— Ну любишь, так что? Замораживать себя? Убедать она вздумала!..

За дверью с улицы послышался скрип шагов. Роза вскочила, подумав, что это Михаил, бросилась к вошедшему, но ошиблась: навстречу шагнул сумрачный Аникей.

— Ух, ну и жмет апрель треклятый! Что, бредушки, рты позатыкали? Не таракана же увидели!

— Тю, глупости! — рассердилась хозяйка. И тут же давай распекать, что соблазнил машиной человека, которого так любит Розка.

Аникей посмотрел на измученную девку и ответил, что рано ей унывать, успеет выбрать жениха себе по вкусу. И показушно ударил себя по груди:

— Коль не против, так я согласен жениться. Детеночка воспитаем уж как-нибудь.

Дуся обругала Аникея, пальцем постучала ему в затылок:

— Другого чего не мог выдумать? Балаболка старая!

— Дело ваше, — усмехнулся Аникей, догадываясь, отчего злится комендантша: раньше он недвусмысленно намекал ей, что выбор свой хочет остановить на ней.

— Подхалим, ну и подхалим! — смягчилась Дуся. — Да тебе, Аникей, давно уж пора под венец, детками надо обзаводиться... Розку вот жалко... — Но вдруг догадка разгладила морщины на ее лице, и комендантша вспомнила: — Слушай, девка, а у меня есть его адрес!

— Адрес есть и у меня. Да не стану я... навязываться...

— Ничего, — помогая Дусе, подбадривал татарочку Аникей. — Счастье — дело нажитое. С руками и ногами схватит ее тут любой, была бы сама согласна. Так, что ль, Розка? Кто тебе у нас нравится?

Но Роза будто ничего не слышала.

Аникей пристроился к печке поближе, подкладывал полешки. Загудело, взыгрался огонь. Отсветы его багрянцем витали вокруг задумчивых, опечаленных глаз Розы. Притихшая, она косилась в окно и вздыхала, ничему не веря.

Метель вьюжила по стеклам, как и вчера, когда уехал Михаил. Апрель, а до весны как будто вечность...

18

В Перми знакомого Аникея Михаил не застал: тот был в отпуске, лечился на юге.

На следующее утро он очутился в речном порту, в тумане подолгу разглядывал за широкой Камой березовые стволы, стаи прилетевших грачей. От гортанного крика этих птиц Михаилу стало как-то неуютно и тревожно.

До возвращения хозяина машины решил устроиться грузчиком в порту.

Свой костюм Михаил замызгал в несколько дней. Ночевал на вокзале, откинув голову на спинку жесткого дивана. Умывшись кое-как, спускался к порту, к подъемным кранам.

У проходной буфетчица Клавдия торговала пирожками. Ее все знали, и, если кто из портовиков забывал с собой деньги, она запросто давала пирожки в долг: знала, что ее потом отблагодарят — кто конфет поднесет, кто букетик подснежников. Михаил же ничего не дарил и не покупал, но она его запомнила.

Как-то раз он столкнулся с Клавдией у выставочного павильона. Поднял слегка руку, кивнул головой. Напудренная, толстоватая в талии, Клавдия подмигнула ему веселым глазом.

— Я давно, парень, за тобой наблюдаю. Нездешний?

— А если и так, ну? — привалился Михаил на локоть рядышком.

— Да ничего... Какой-то ты... не такой общительный, как другие ребята. Бери, ешь пирожки. С мясом.

— Не до них. Тут переспать негде. Жду не дожусь одного человека.

Михаил лениво скользнул по гладкому, сытому лицу Клавдии.

— Я спрошу у одних, — отвела она взгляд в сторону. — Вчера выехали квартиранты, освободилась комнатка...

19

...И вот она, долгожданная!..

Михаил глянул в боковое зеркало и расхохотался. Живем!..

Он сел за руль, как за обеденный стол, почувствовал расположение руля и педалей как одно целое, спаянное с его телом.

На какой-то миг был оглушен ворвавшимся в приоткрытое окошко потоком встречного ветра. Мысли далеко отставали от скорости вращающихся колес, и Михаила охватывало такое чувство, словно восхищался собой и не знал, как погладить себя по голове. Он смеялся, зная, что никто его не осудит за хорошее настроение. Это не то что на фургоне почтовом! Пока развезешь газеты, и жизни не рад. А тут как на шелковом диване...

Прогнав своего «Москвича» без передышки семь

часов, Михаил заметил бензоколонку. Залил бак, пожевал, не разбирая, что к чему, в дорожном буфете, и снова за руль...

На вторые сутки стал останавливаться чаще: пришло чувство бесконечности дороги. И загрустил вдруг от воспоминаний, радость стала тускнеть, ускользать, как песок меж пальцев.

Чтобы взбодрить себя, Михаил включил радио. Кубанский государственный хор исполнял казачьи песни, которые так любила петь Наталья... Брови его вздрогнули, скулы обострились. И Михаил ясно вдруг увидел лицо Розки, обругал себя, что даже не попрощался. По-свински он с ней поступил... Было ощущение, словно его вывалили в грязь, и теперь он не знает, как очиститься....

Михаил съехал на обочину и выключил мотор. Навалился сон, и тут же возникла перед ним тайга. Роза стояла рядом. «Здесь и начнем огораживать», — сказал он ей и начал разгребать снег, расчищать место для будущего дома. Откуда-то появилась Наталья, и Роза, испугавшись ее смеха, бросилась бежать в тайгу. Широкая поляна опустела, в лицо подул злой ветер. «Розка! Розка!» — закричал он и проснулся, мокрый от пота...

Наступили пятые сутки утомительного пути. Машина летела по блестящему гололеду навстречу стаям птиц. Какой-то ленью обрастала душа, и руки, вцепившиеся в руль, незаметно ослабевали. Михаил и не заметил, как вздремнул, съехал на обочину, и «Москвич» запрыгал по твердым кочкам нерастаявшего снега. Но он успел его вывернуть и, озлившись на себя, погнал обратным ходом. Лихо вскочил на льдистый асфальт магистралки, остановился поперек дороги и... ни назад, ни вперед; колеса закрутились вхолостую. А тут машина громадная несется, не сбавляет скорости. Послышалось неуверенное шиканье тормоза, но было уже поздно. Раздался треск, грудь

вдавилась в руль, и тотчас же зашлось дыхание. В черном провале исчезнувшего сознания ударил колокол...

Молоденький, с усиками автоинспектор составил протокол, почесал переносицу шариковой ручкой.

— Черта лысого теперь найдешь, а не МАЗа того. Считай, часа три прошло...

Михаил потрогал забинтованную голову, равнодушно сказал:

— Ну и не ищите.

— Что ты! — встрепенулся автоинспектор, оглядываясь. — Найдём... Это же надо, как твою изуродовал... Куда теперь с ней?

— А никуда, — отозвался Михаил. — Загоню, что осталось, и делу конец. Покатался — и хватит.

— Счастливый, что живым остался! Ну ладно, вон и «Скорая помощь». Подлечим тебя. Ты лежи, лежи! На носилках отнесем...

20

Потянулись вдоль насыпи защитные овраги, лоскуты зеленых полей... Весна!

За окном вагона набегали и уносились огни. Михаилу казалось, что все вокруг спешит куда-то, а он стоит на месте и не знает, в какую сторону податься.

Гремели колеса, и чудилось ему — топоры стучат по стволам кедров. Наплывало лицо Розы — спокойное, будто покорилась судьбе и ей все равно, где он и что с ним...

Проснулся на какой-то станции, узнал, что стоянка двадцать минут, и тут же послал телеграмму Розе: «Сообщи как ты там? Передавай привет Дусе Аникею всем кто меня помнит...»

В знакомой хатке-временке пусто, единственное окно заколочено фанерой. Вокруг стен густой порослью цветут панычи, вьющаяся паутель синееет граммофончиками и тянется на крышу, скрадывая нищенский вид трухлявого домишки.

Михаил сидел во дворе со стариками. Думал к Ивану сходить, да не лежит к нему душа — высмеивать начнет... Неохотно, поддаваясь их просьбе, рассказывал Ивану Никитовичу и Платоновне про далекую уральскую тайгу, про свое дорожное приключение.

К вечеру забрела Лизка, все такая же полная. Обняла, поплакала на плече Михаила. Еще раз взгляделась и опустилась без слов на скамью.

— Кажется, вечность целую скитался на чужбине. Чуть бы раньше — глядишь, и не успела бы улизнуть Наташка.

— Жалеть не стоит... Илюшку бы повидать. Небось подрос парень?

— Сейчас люди слабы, некогда им терпением запасаться. Пустили себя на растрату бесполезную. Только и живут сегодняшним днем...

Михаил слушал Лизку без внимания. Она упростила его съездить к брату, не сторониться родственников. И Михаил согласился развеять тоску...

Ивана застали в дачном домике коллективного сада. Сидя напротив Михаила, он мрачно молчал. У ног его стояли тяпки, обмотанные тряпьем хвостики саженцев, ведро. Узловатые пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались, желваки перекачивались на скулах. Было заметно — недоволен он чем-то.

— Намекнул мне начальник, — заговорил Иван. — Как уйдет на пенсию мастер, могу рассчитывать на его место. А ты бригаду мою возьмешь под крыло. Буду подниматься в гору. Ничего, что не имею

институтского диплома. Как засяду на место Тимофеича, пусть тогда спихнут! Надо... как Суворов учил: только вперед!

— Речисто, да не чисто, — усмехнулся Михаил. — Наслушался я твоих фантазий.

— Кого же обвиняешь, если родился невезучим?

Михаил помял пальцами нос, пострадавший в аварии, и поморщился:

— Слишком деловой!

— Не думай, Мишка, что корыстью услаждаю себя. Куда ж мне, бедному, если энергия прет?

— Не из того кизяка, ты слеплен, — возразил Михаил, начиная зевать. Хмыкнул слегка, будто икнул, и пожалел: не надо было тащиться на эту проклятую дачу.

— Он, Миша, с гонором, — вступила в разговор Лизка. — Хочет порядки наводить у вас на ТЭЦ, а зачем? Опасно ему в начальники.

— Не болтай, сорока! — вскипел Иван.

— От страдания! — охнула Лизка. — Насмотрится всякого по телевизору и начинает сочинять свои проблемы!..

Вернулся Михаил, не попрощавшись с Иваном, взял удочки и подался к Кубани. Но клевало неважно. Сидел на обрыве и, глядя на копившиеся вдаль тучки, припоминал удачи и неудачи, какие выпадали в жизни на его долю. Течение будто подхватывало и уносило из памяти хорошее и плохое...

Пора устраиваться на работу. Идти на ТЭЦ пока не решался, хотя в леспромхозе часто представлял, как будут рады ему на старом месте. Теперь же боялся, что смеяться начнут, скажут, вкалывал в лесу, а голым остался. Не поворачивается душа, не тянет почему-то на ТЭЦ. Жалел, что уехал с Урала...

Из-за темной вербы, погрохатывая, показался катер. Он шел против течения, сбивая шляпки пены. Река была хмурой. Изредка от берега отваливалась глы-

ба, тяжело бухала в воду. Коряги и щепки, покачиваясь, отплывали на середину, а там их подхватывала стремнина.

Медленно провожая взглядом катер, Михаил пожегся от сырости. Из прибрежных камышей взлетели цапли, далеко назад вытянули ноги. Зеленоватые листья верб мягко шумели, смутно отражаясь в текущей воде. Показалось, что за спиной шепчет татарочка Роза. Оглянулся — нет никого.

Где-то за рекой в сплошной хмари вдруг обнажилась каленая ветвь — вспыхнула и потухла. Небо потемнело, наполнилось громом, и посыпал дождь...

Михаил подхватился домой. Увидел возле калитки Тимофеича: тот стоял, прикрываясь газетой от стихающего дождика.

— Здорово, путешественник! Наконец-то! К тебе можно?.. — весело приветствовал мастер Михаила.

Михаил замялся, пряча глаза. Тимофеич заметил это, перевел разговор:

— Я к братану твоему собрался. Каждый день просит: зайти да зайти. Айда со мной!

— Неохота, только от него. Надоел он мне.

— Чего там, родные же! Пошли... На пенсию думаю уходить, а некого на мое место. Ивана наметили, да ты вот приехал. Готовь магарыч — мастером будешь.

— Иван меня убьет тогда, как президентов убивают, — пошутил Михаил. — Что же вы так... обещали, обещали человеку, а теперь впопятную?.. А потом еще неизвестно, вернусь я на ТЭЦ или еще куда-то пойду.

Старик обнял Михаила, хитровато прищурился:

— Шалишь, как дамочка капризная. Ладно, поехали до Ивана.

Как ни отказывался Михаил, а пришлось уважить старика...

Иван молча потискал плечи старшего мастера, точ-

но прощупывал кости, угадывал, долго ли еще им до пенсии гроыхать. Хмыкнул угрюмо, показывая на брата:

— Не больно-то отъелся. Обижается, будто мы виноваты, что сбежала от него казачка.

— Не городи, Иван, или уйду, — оборвал его Михаил.

Сели, выпили по рюмке. Лизка пристала к Михаилу с расспросами о тайге, все допытывалась, какие там ягоды. Михаил отвечал неохотно.

— Дела-а! — протянул Тимофеич, когда Михаил рассказал об аварии.

Иван окинул его цепким взглядом:

— Жалеешь машину?

— Нет, — ответил Михаил.

— Как это так?

— Не в ней счастье.

— А в чем же?

— Не знаю...

Михаил отвел глаза, нагнулся и погладил мяукавшего у ног котенка. Тот стал тереться о ногу, своей лаской, незащищенностью напомнил Розу. Михаил и не думал о разбитой машине. Разве только про деньги вспоминал, за которые вкалывал два с лишним года...

Иван грохнул стулом, подвески люстры всхлипнули от его резкого движения.

— Может, я в панику кидаюсь, — заговорил он, поднявшись над столом. — Но временами жутко и пусто становится. Все есть, Тимофеич, дорогой! Тряпок до черта нагреб заграничных, на балконе кролики жиреют, в гараже «коломбина», будь она неладной. И силы в руках — хоть штангу выжимай на Олимпиаде. Все есть!.. И ничего нет... ровным счетом ничего, — снизил голос, выкатывая глаза. — Открой мне секрет, Тимофеич, чего тут не хватает? Брат мне не советчик, голый насквозь.

Тимофеич закурил, усмехнулся.

— Чего нет, спрашиваешь? Жизни у тебя нет, Ваня... Ты не обижайся, мы же свои.

— И деток нет и не будет, — заголосила со всхлипом Лизка.

Иван не посмел цыкнуть на жену, грузно сел на диван. Выпил подряд две рюмки и опустил голову, словно прислушиваясь, куда потекла водка...

— Ты давай к нам, — сказал Тимофеич на прощанье Михаилу. — Люди нужны, сам знаешь. И ви-лять брось...

22

Михаил так и остался жить у Ивана Никитовича и Платоновны.

Прошел год после его возвращения. Однажды вечером старики увидели в переулке мужчину и двух незнакомых женщин. Одна несла чемоданы, у другой на руках был ребенок. Они шли, разглядывая номера домов.

— Да это же вот где, Розка! — облегченно сказала та, которая тащила чемоданы. Поставила их перед калиткой и поздоровалась.

— Скажите, Михаил Кукин здесь живет?

— Тут, — ответила Платоновна.

— Ну, слава богу, добрались. Дома он?

— Спит.

— Ну сейчас мы его поднимем! То-то удивится...

Платоновна проводила гостей во двор и пошла будить Михаила.

Тот вышел на крыльцо, жмурясь со сна, увидел женщин, Аникея и вскрикнул от радости:

— Дуся! Роза!.. Аникей! Вы откуда?

— Узнал, бродяга? — зашумела Дуся и расцеловалась с ним. — Потянуло и нас в теплые края. Зарегистрировались мы с Аникушей, можешь поздравить!

У меня тетка в станице живет, решили у нее поселиться. И Розку за собой потянула. Пусть отдохнет у тетки, молочка попьет коровьего. Больно худышка.

— Здравствуй, Миша, — плача и улыбаясь, подошла Роза. Отвернула край одеяльца и улыбнулась сквозь слезы. — А это Аня, Анечка...

Дуся заморгала и отвернулась. Михаил наклонился над ребенком, всмотрелся в скуластое, как у Розы, личико.

— Растем! — засмеялась Дуся. — Скоро сами ходить будем. В станице на травку встанем... и побегим, побегим!

Михаил выпрямился и сказал негромко:

— Какая там станица... А здесь что — травы не хватает?..

23

Тимофеич вошел в душевую, отогнал от лица клубы пара.

— Не переодевайтесь, хлопчики. Остаемся.

— Зачем это? — брюзгливо поморщился Иван.

— Котел подлечим, иначе из строя выйдет.

— Да ну его! — Иван снял рабочий пиджак, повесил в шкафчик. — В следующий раз отказу не будет, а сейчас не могу, выдохся.

— Тебе непростительно, — осадил его мастер. — У директора на хорошем счету, в завкоме и на собраниях хвалят родителей. Мол, у Кукиных отец — герой гражданской войны, а мать в партизанках была.

Услышав смешок Михаила, Тимофеич с недоумением оглянулся:

— Ты чего ржешь?

— Да у нас и не было таких родителей-героев. Откуда эти басни?

— Как? — пожал плечами старик и взъерошился. — Да за кого вы меня принимаете?! Иван же сам козыряет, слух пустил!

— Никакие они не герои, мать и отец. Обыкновенные, в земле копаются.

Ребята посмеивались в кулаки, Иван, омраченный, набычился: не до смешков, коль в лужу сел.

— Ладно, котел все-таки надо сдать к утру, — перебил смех Тимофеич.

— Нет, остаться не могу! — повторил Иван и разделся, пошел под душ...

Вернувшись с ночной смены, Михаил заметил на подоконнике красные детские сандалии. Взял покупку, повертел в руках.

— Велики же Анечке!

— Это не ей, — сказала Роза и отвернулась к окну.

И тогда он догадался: «Это она Илюшке, сыну». Сколько раз говорил, что Наталью видеть не хочет, а по Илюшке скучает. Запомнила, видно. Подошел — она плачет.

— Ивушка плакучая, что с тобой?.. Брось, Розка, слышь? — Михаил погладил ее плечи, будто озябшие от холода, вспомнил, как стояли они когда-то в уральском лесу...

Как в пустую даль, смотрел он в окно, за которым густились, ползли со степей дождевые тучи...

Поняв друг друга, Михаил и Роза вышли из хаты. Ветер похолодил его съезжившиеся плечи, областал завитушки седины на висках и, собрав духоту по переулкам, погнал ее стремительно по асфальту, по крышам домов. Но дождь не пролился, и вскоре из-под края тучки выплеснулось солнце.

— Погуляем? — кивнул Михаил.

Они не торопясь направились по сочной суданке. Прямо перед ними расстилалась степь, неумолчно трезвонили кузнечики, гудели шмели.

— Не только на Урале красиво, — заметила Роза, жадно вдыхая запахи весенней степи.

Как бы очнувшись, Михаил обнял жену, и ему

вдруг захотелось идти и идти с ней всю жизнь вместе с течением времени, которое несет их, как облака над головой...

24

Роза уехала погостить к Дусе и Аникею в станицу. Михаил собирался на смену — поджидал Юрку. Тот надумал жениться, перешел из общежития на квартиру, и теперь ходить на ТЭЦ им было по пути.

Хлопнула калитка. Михаил подумал, что это Юрка, но ошибся. Во двор заглянул друг Ивана Никитовича, тоже пенсионер.

— Подь сюда, Миша, — поманил он пальцем, блаженно улыбаясь. — Знаешь, что Наташка приехала? Пошла к речке освежиться. Вещи ее у нас...

А вскоре слышались восклицания, вздохи Платоновны и жалкий, знакомый смех, от которого у Михаила екнуло сердце, — Наталья!

— Миша, гля, и не узнала! Здравствуй, родненький! — Оттягивая на спине и на боках влажное яркое платье, Наталья с улыбкой подошла и договорила: — У вас тут и не изменилось, надо же!..

Михаил, не в силах сдвинуться с места, насупил брови. А та разглядывала все вокруг, тронула качели Анюты, села на лавочку. Однако переменялась: нет прежней бойкости, страдает одышкой и умиляется.

— Сюрприз!.. — усмехнулся Михаил. — Да-а, не ожидал... Откуда прикатила?

— Потом все, все расскажу. Остыну чуть, — сказала Наталья, покусывая губы, а у самой выкатывались слезы. — Сердечко телепается, вот-вот оторвется. И во сне думала, скучала... А ты уже седеешь...

«Надо же, с каким форсом ворвалась! — подумал Михаил. — Надеялась, ждут ее. А раньше о чем мозговала?»

Сдерживая волнение, Наталья попросила пить.

Михаил принес воды и, не зная, как отнестись к приезде бывшей кены, норовил ускользнуть. Зла не имел, перегорело давно, и выгнать не выгонишь.

— Сына почему не привезла? — спросил неокрепшим голосом.

— Он дома, в Алуште. — Наталья поднялась с кровати и села к столу, обмахиваясь платочком. — Уф, и душно!..

— Зачем приехала?

— Дела у меня... Николай Константинович... — Наталья перевела дух. — Ну этот...

— Муж, что ли?

— Да... Сердце у него слабое... Туда переехали по обмену, и слег. Не по климату, видно, пришлось ему переезд. И помер.

— Понятно, — выпрямился Михаил.

Замолчали. Шаркая палкой, всунулась в дверь Платоновна, принесла сумочку, оставленную Натальей. Потом еще раз наведальась с алюминиевой чашкой, полной черешни, и хихикнула беззубым ртом:

— Угощайтесь, не буду мешать. Пойду спать, пятую серию досматривать. Вчера снилось, будто я у царя на балу... кавалеры с усами... А сегодня не знаю, в какой переплет попаду.

— Ну и чудачка, раззабавит кого хочешь, — повеселела Наталья, протягивая руку к чашке с ягодами.

Михаил взял сетку со свертком, кашлянул и глухо сказал:

— Мне пора, смена наступила.

— Ты что, уходишь? — удивилась Наталья. — Как же так... не поговорили. Давно не виделись. Доченьку твою хотела поглядеть. Рассказывали, что вся она в маму.

— Илюшка здоров? — перебил ее Михаил.

— А что ему сделается! Бегает, в кружок моделестов записался... Слушай, Миша, я вот что подума-

ла: приезжай к нам, а? У меня квартира шикарная, целых три комнаты, вход отдельный.

Михаил лицом потемнел.

— За кого ты меня принимаешь? Наверно, к гнезду летят, а не обратно.

— Да разве ж это гнездо? — оглядела Наталья невзрачную хатенку. — Курятник какой-то. Жалеть будешь, если останешься тут.

Ответить ей помешал стук в окно и Юркин голос:

— Михаил, я здесь! Опаздываем!

Михаил вышел и бросил последовавшей за ним Наталье:

— Илюшке скажи — пусть приезжает на каникулы. А еще лучше, если насовсем. Квартиру скоро получу...

За калиткой Юрка присвистнул.

— Так это прежняя жена? Слушай, а может, сказать Тимофеичу, что ты заболел? Вон, зовет тебя... плачет.

— Шагай! — подтолкнул его в плечо Михаил...

25

В коротком перерыве Иван подошел к Михаилу и кивнул в сторону проходной:

— Иди, твоя давно уже ждет. Из станицы прискакала. Боится за тебя...

Роза, увидев Михаила, бросилась навстречу, что-то ища во взгляде мужа. От него припахивало рабочим потом, машинным маслом, он был весь мокрый, уставший и, как всегда, родной, близкий. Сели на мягкую траву.

— Скоро закончите?

— Да где там. До утра б разделаться, из топки не вылезаем.

— А я спешила из станицы, летела...

— Как Анка?

— Спит... Я тебе поесть принесла. Дуся передала творог домашний, курицу... — И, развязав сетку, спросила, судорожно глотая воздух: — Ты... ты ее любишь, бывшую жену? Скажи честно.

— Глупости, — буркнул Михаил.

Роза прижалась к нему и снова уставилась в него внимательно, стараясь поверить в то, что он сказал. Вздохнула с сомнением.

— Я от соседей слышала, будто заходила к нам она. Заходила... Ой, Миша, не переживу...

— Глупости. Сына я бы забрал... Как ты на это смотришь?..

— Не против.

— Ну и хорошо. Да только вряд ли что из этого выйдет.

— Конечно. Любая мать не отдаст своего...

— Смотря какая мать, — не согласился Михаил, перекусывая стебелек овсяга. Жалко ему стало Розку — напрасно изводит себя подозрениями.

Они поднялись.

— Если бы не Илья... — задумчиво проговорил Михаил. — Ступай, мне пора на работу...

Михаил повернулся и пожалел, что не приласкал Розу. Мог бы обнять ее, утешить. Ведь не чурбан же...

Ребята доедали остатки ужина. Михаил присоединился к ним, развернул свой сверток и принялся угощать всех домашним тврогом...

Вылезли из топки попить газированной воды перед последней «атакой», и Михаил невольно порадовался: здорово сегодня поработали! А теперь надо дружнее.

Он видел впереди себя запрыгивающего на лесенку длинного Ивана, потом Юрку, других ребят. Задержался возле газорезчика — показал, где резать трубу. Лица ребят то появлялись в красных отсветах шипевшего резака, то исчезали во тьме узкого прохода. Едкий дым разъедал горло.

Подбежал главный инженер.

— Почему ваши люди в топке до сих пор находятся? Кто бригадир?

— Я, — сказал Михаил.

— Скажите, немедленно пусть уходят. И дайте команду закрывать люки.

Двое полезли наверх. Михаил стал ходить по площадке, приглядываясь к запорной арматуре. Видел, как всходило солнце. По балкам и возле тумб энергоблока гулял утренний холодок. Тело его после долгой и жаркой работы отяжелело. Нащупал рукавицы и вдруг под ними не обнаружил инструмента: вспомнил — в топке остались. Оглянулся на бегающих по площадкам вокруг котла эксплуатационников, готовившихся к розжигу, — надо лезть за ними, пока нет никого поблизости... Михаил прыгнул на трубы, сориентировался в крошечной мгле, куда не доставал свет. Спотыкаясь об острые хомуты, связывающие змеевики, чуть не рассек лоб... Над головой зашаталось пятно света: видимо, убрали прожектор.

Михаил продвигался на ощупь, пошаркивая ногой, и наступил на инструменты. «Вот они, голубчики. Телки-метелки!» Ползком, опасаясь, чтобы не просыпались между труб на самое дно, Михаил собрал их, завернул в тряпку и подался к люку, цепляясь за пыльные змеевики. Наконец вывалился с инструментами наружу, хватанул полным ртом свежего воздуха. А Иван уже тут — поджидал.

— Ты каким же это чудом очутился в яме, братушка?

— Действовал... по обстановке...

— Головой подумал своей, куда лез? И пепла не осталось бы, если бы замуровали!

Михаил отмахнулся и пошел вниз.

Тимофеич, догоняя Михаила, сообщил ему, снизив голос:

— Тебя на днях начальник позовет, будет на мое

место уговаривать. Не отказывайся, ты понял? Побесится твой Иван, но ты не обращай внимания... Как, потянешь за меня?

— Не знаю, Тимофеич... как это без высшего образования?

— Выходит, не отпускаешь на отдых? Ну а, допустим, я в беду попал, в огне горел бы — подал бы ты руку?

Михаил рассмеялся:

— Еще и за здоровье бы выпил, чтобы жил и не тужил!

— Ну спасибо, понял, — сказал старый мастер...

К вечеру котел загудел.

Эксплуатационники и киповцы столпились на нижней отметке энергоблока, оживленно переговариваясь, поглядывая, как ремонтники бригады Кукина, устранив мелкие неисправности после розжига, не спеша спускались с высоты и отбивали пыль со спецовок. Только Юрка задержался на верхотуре: в спешке потерял фотокарточку девушки, на которой собирался жениться. Тимофеич закричал ему, чтобы тот убирался с котла.

Михаил задрал голову — в небе безмятежно плыли облака. Ему захотелось пить, целое море выпить воды, а потом, утолив жажду, свалиться где-нибудь за цехом в траву и лежать, ни о чем не думая...

За проходной звенели трамваи, и было непривычно от яркого света. Михаил сел на лавочку, ощущая слабость в коленях. Щурясь, глядел на блестящую вдаль речку, куда сбрасывалась отработанная турбинами вода. Возле столовой он заметил Розу. Та обернулась и тоже увидела его, заторопилась навстречу.

Михаил улыбнулся, словно ярче засветило солнце.

Геннадий Григорьевич ПОШАГАЕВ

КРУГОВЕРТИ

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**

Редактор **А. Корнеев**

Художественный редактор **В. Недогонов**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Г. Трибунская, И. Тарасова**

Сдано в набор 05.02.82. Подписано в печать 26.04.82. А06536.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 3,5. Учетно-изд. л. 3,5. Тираж 75 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 176.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская ул., 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42. Заказ, 3563.

Читайте в выпусках
«Библиотеки журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:

Надежда КОЖЕВНИКОВА. По-
сторонние в доме. Повесть.

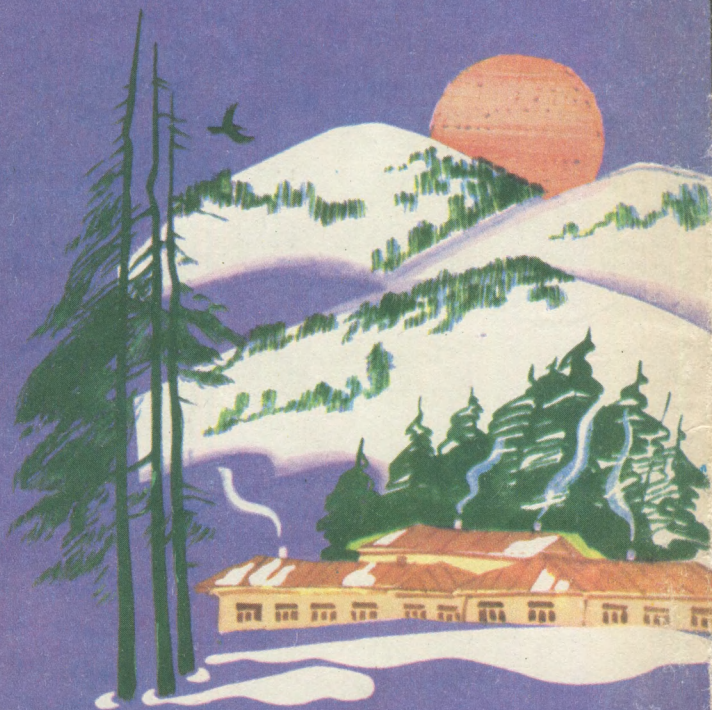
Виктор ПРОНИН. Голоса родных
и близких. Повесть, рассказ.

Александр КАРЕЛИН. Правда
земли. Критические статьи.

Сергей ХОМУТОВ. Дом над ре-
кой. Стихи.

25 коп.

Молодая гвардия

25 коп.

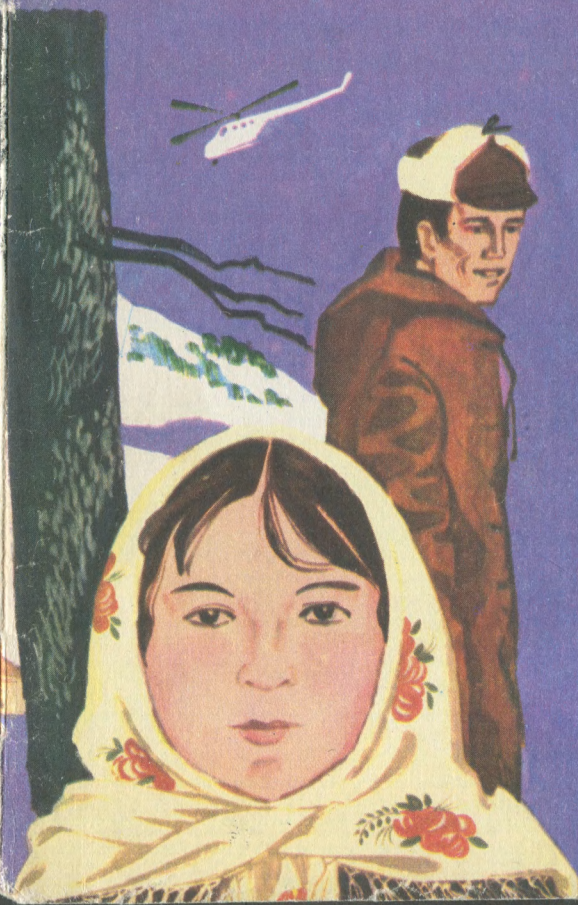
Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ** № 25
1982

Молодая гвардия

Геннадий
Пошагаев

Круговерти